Замѣтки г.-л. Л. В. Дубельта.

Помѣщаемыя ниже записки генерала-отъ-кавалеріи Леонтія Васильевича Дубельта, знаменитаго управляющаго III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи въ царствованіе имп. Николая I, являются любопытнѣйшимъ историческимъ документомъ. Они прежде всего даютъ яркую характеристику той идеологіи офиціальной Россіи, которая самодовольно замкнулась въ убѣжденіи своей непогрѣшимости, въ презрѣніи къ «безсмыслію запада»—этой «гадкой, помойной ямѣ», какъ выражается Дубельтъ, и «непробудно залегла смертельнымъ гнетомъ на все мыслящее въ Россіи». Послѣднія слова, какъ знаетъ уже читатель, принадлежатъ первой жертвѣ той «правительственной системѣ», которая завела Россію въ долгіе годы николаевскаго царствованія въ тупикъ «своевластія» и «безславія»—А. В. Поджіо. И въ самомъ дѣлѣ, каждый маленькій штрихъ изъ записокъ Дубельта отчетливо рисуетъ намъ ту Россію, гдѣ отпускаютъ «ученость только по рецепту правительства».

«Вся сила Россіи въ самобытности», разсуждаетъ ген. Дубельтъ. У насъ нѣтъ причинъ быть недовольнымъ, ибо съ «благодѣяніями» царя не можетъ «сравниться» никакая «конституція»: а «гдѣ нѣтъ причинъ быть недовольнымъ, тамъ никакой Луи-Бланъ не взбунтуетъ, хоть испиши онъ всѣ перья, испечатай всѣ типографскія литеры цѣлаго міра». Миръ и спокойствіе гарантируетъ именно самодержавіе и тѣ «патріархальные» нравы, которые господствуютъ въ «нравственной Россіи». Русскій человѣкъ «не избалованъ вымышленною свободою и ни съ чѣмъ несообразными правами человѣка» и не хочетъ ихъ: отсюда «миръ, тишина, трудолюбіе, подчиненность», которыя царятъ среди нашихъ «славныхъ мужичковъ». И благоденствуютъ такъ наши мужички именно потому, что они *не свободны*. Дай имъ свободу, исчезнетъ нравственность, а тамъ и до «безбожія одинъ только шагъ»; и попадетъ Россія «въ ту же пропасть, въ которой теперь барахтаются свободные европейскіе народы». Отсюда благодѣтельность крѣпостного права, охраняющаго Россію отъ свободы и равенства, за которыми слѣдуютъ «ужасы голода и отчаянія». Помѣщикъ—добрый отецъ «русскаго мужичка», но въ то же время онъ «самый вѣрный, недремлющій песъ, охраняющій государство; онъ есть природный исправникъ». Надо только охранить «патріархальную» простоту русскаго народа. Не надо грамотности, дабы не «воспламеняться чтеніемъ журналовъ и всякой грязной литературы, возбуждающей самыя скверныя страсти». «Гадкая нынѣшняя литература» лишь сбиваетъ съ толка, рождаетъ «затѣи», и

люди забываютъ свои обязанности». Пусть «мужички» по-старому «читаютъ» величественную книгу природы, въ которой Богъ начерталъ такія дивныя вещи». И тогда пикакія бредни коммунистовъ не опасны.

Николаевскій генералъ упоенъ величіемъ Россіи: Россія—что «царство небесное», куда не проникаетъ ядъ безвѣрія и бездушнаго эгоизма...

«Мы слишкомъ умны,—записываетъ онъ,—чтобы подражать европейской сумасбродной безтолковщинѣ» съ ея хваленными «хартіями, да конституціями, да представительными правленіями». Но тѣмъ любопытнѣе невольныя признанія, вырывающіяся изъ-подъ пера одного изъ охранителей «величія» Россіи.

«Конечно, Россія велика и сильна; Русскій Царь у себя, дома, Богъ земной», но, тѣмъ не менѣе, Дубельтъ весьма обезпокоенъ вмѣшательствомъ Россіи въ иностранныя дѣла. «Что намъ за дѣло до сумасбродовъ» въ Западной Европѣ. Лучше принять мѣры, чтобы «у насъ не было охоты подражать имъ». А то будетъ «немножко похоже на то, что пойдемъ чинить домъ сосѣда, а не видимъ, что собственная наша изба валится». Въ нашей «медвѣжей берлогѣ порядокъ», но чрезвычайно опасно, что «наши солдаты увидятъ мятежъ на мѣстѣ». Вѣдь неизбѣжно привьются къ нимъ «мятежныя мысли» и «наша святая, чистая, дѣвственная Русь можетъ заразиться ядовитымъ духомъ западныхъ народовъ». Величіе Россіи оказывается мыльнымъ пузыремъ; оказывается и молодежь-то у насъ буйная, и народъ склоненъ къ буйному «безначалію», и денегъ у насъ нѣтъ, и оружіе плохо. «Собственная изба валится»... «Не послушался Государь людей опытныхъ..., Ему преданныхъ. Поссорился съ Людовикомъ Наполеономъ. Быть бѣдѣ!» пророчески записываетъ Дубельтъ.

Итакъ, передъ нами наглядный образчикъ психологіи «незабвенныхъ людей» николаевскаго времени съ ихъ дѣйствительно «незабвенными мыслями» о государственномъ строительствѣ. Записки ген. Дубельта имѣютъ и большой индивидуальный интересъ. «Бездарность, безсиліе, неспособность высказывались повсюду», характеризуетъ намъ Пождіо эпоху «моровой полосы» русской государственности. Подойдутъ ли эти типичныя для дѣятелей эпохи черты къ автору воспоминаній? Знаменитый печальной памятью николаевскій жандармъ, булгаринскій «отецъ и командиръ» — фигура, примѣтная въ отечественной исторіи. И очертить его обликъ было бы, пожалуй, небезынтересно. Мнѣ кажется, что помѣщаемыя воспоминанія даютъ богатый для этого матеріалъ. Дѣятельность Дубельта въ качествѣ начальника штаба корпуса жандармовъ, правой руки гр. Бенкендорфа и Орлова по управленію III Отдѣленіемъ, достаточно извѣстны. Это была эпоха, когда полицейская рука III Отдѣленія сдѣлалась полновластнымъ опекуномъ русскаго просвѣщенія; когда могла существовать наука только съ дозволенія начальства, водворявшаго по позднѣйшему проекту Козьмы Пруткова полное «единомысліе» въ Россіи путемъ фамусовскихъ завѣтовъ: «Ужъ коли зло пресѣчь, собрать всѣ книги, да сжечь». Съ поразительной отчетливостью высказалъ эту великую идею въ 1839 г. Дубельтъ издателю «Отечественныхъ Записокъ» Краевскому, заявивъ по поводу посмертнаго печатанія новыхъ произведеній Пушкина: «Довольно этой дряни, сочиненій-то вашего Пушкина, при жизни его печатано, чтобы продолжать еще и по смерти оты-

скивать неизданныя его творенія, да печатать ихъ!» Достаточно и одного этого, чтобы припомнить и охарактеризовать всю дѣятельность Дубельта. Но каковы были интимныя душевныя переживанія этого гасителя просвѣщенія, свободной мысли и творчества русскаго народа? Кто передъ нами: одѣтый ли въ жандармскій мундиръ мистикъ и святоша въ родѣ кн. А. Н. Голицина при Александрѣ I, недалекій охранитель завѣтовъ старины въ родѣ любителя россійской элоквенціи адмирала Шишкова, усердный исполнитель законовъ, превосходно воспринявшій урокъ, преподанный Кукольникомъ: «Прикажутъ — завтра же буду акушеромъ» или, наконецъ, передъ нами перебѣжчикъ типа Магницкаго, готоваго за деньги и награды быть атеистомъ, либераломъ, христіаниномъ — вообще всѣмъ, чѣмъ угодно? По отношенію къ Дубельту этотъ вопросъ естественъ. Припомнимъ его карьеру. Онъ «одинъ изъ первыхъ крикуновъ либераловъ» въ Южной арміи, по отзыву жолчнаго Греча. Онъ намѣстный мастеръ въ 1820—22 г. въ кіевской масонской ложѣ «Соединенныхъ Словянъ», онъ членъ ложи «Палестины» въ Петербургѣ и «Золотого Кольца» въ Бѣлостокѣ. Въ 1829 г. недоразумѣнія по службѣ, и затѣмъ начало карьеры по жандармской части, карьеры по благороднымъ побужденіямъ. «Не будь жандармомъ», говоришь ты — пишетъ Дубельтъ своей женѣ 9 января 1830 года — но понимаешь ли ты... существо дѣла. Ежели я, вступя въ корпусъ жандармовъ, сдѣлаюсь доносчикомъ, наушникомъ, тогда доброе мое имя, конечно, будетъ запятнано. Но ежели, напримѣръ, я, не мѣшаясь въ дѣла, относящіяся до внутренней полиціи, буду опорою бѣдныхъ, защитою несчастныхъ; ежели я, дѣйствуя открыто, буду заставлять отдавать справедливость угнетеннымъ, буду наблюдать, чтобы въ мѣстахъ судебныхъ давали тяжебнымъ дѣламъ прямое и справедливое направленіе, — тогда чѣмъ назовешь ты меня?... Не буду ли я тогда достоинъ уваженія, не будетъ ли мѣсто мое самымъ отличнымъ самымъ благороднымъ?» И г. Е. Дубельтъ, опубликовавшій въ 1888 г. въ «*Русской Старинѣ*» эти письма, пытается доказать, что «на занимаемомъ имъ вліятельномъ посту Л. В. (Дубельтъ) былъ проникнутъ смысломъ извѣстной, весьма гуманной инструкціи, данной императоромъ Николаемъ I шефу жандармовъ, при учрежденіи III Отдѣленія»: передавая Бенкендорфу носовой платокъ, Николай будто бы сказалъ: «Утирай этимъ платкомъ какъ можно больше слезъ — вотъ моя инструкція». Платокъ сей хранится подъ стекляннымъ колпакомъ въ архивѣ бывшаго III Отдѣленія. Вещественный памятникъ жандармскаго сентиментализма, однако, и при Дубельтѣ замѣнялся болѣе дѣйствительными средствами воздѣйствія на общественное мнѣніе. Несмотря на все свое христіанское смиреніе, «смиреніе ангельское», которое выступаетъ съ первыхъ же строкъ печатаемыхъ нижѣ записокъ, несмотря на все желаніе, чтобы во всѣхъ дѣлахъ «сіяла Божественная, преизобильная благодать», чтобы съ устъ «излетали только слова любви», мы знаемъ, что ген. Дубельтъ нерѣдко «ругался площадными словами» и при открытіи дѣла петрашевцевъ весьма сожалѣлъ, что ему не удалось «сгноить въ крѣпости» Бѣлинскаго (см. у М. К. Лемке «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 г.», гдѣ на стр. 120—125 дается характеристика Дубельта). Но христіанское смиреніе на словахъ очень часто не совпадаетъ съ практикой житейской, равно какъ и обѣщаніе, данное Дубельтомъ женѣ, не браться за исполненіе

порученій, «о которыхъ доброму и честному человѣку и подумать страшно», не совпадало съ дѣятельностью Дубельта въ роли защитника «несчастныхъ». Дворянинъ-помѣщикъ И. В. Селивановъ, разсказавъ въ «*Русской Старинѣ*» (1880 г. т. XVIII) случай, когда ему пришлось отвѣчать передъ III Отдѣленіемъ по доносу, припомнилъ «ходившіе тогда слухи, что Дубельтъ выдумываетъ заговоры, чтобы пугать постоянно правительство и этимъ доказывать свою необходимость». Другой же современникъ ген.-отъ-инфантеріи, профессоръ и военный писатель кн. Н. С. Голицынъ («*Русск. Ст.*» 1880 г. т. XIX) засвидѣтельствовалъ уже не «слухи», а «факты». Но этого мало. По словамъ кн. Н. С. Голицына славившійся своимъ безкорыстіемъ Дубельтъ былъ однимъ изъ «главныхъ дѣятелей» тайнаго игорнаго дома. Таковъ былъ въ дѣйствительности христіанствующій жандармъ, являющійся въ изображеніи родственниковъ «безъ пятна и упрека». Однако, и современники дали намъ разнорѣчивыя характеристики автора записокъ. «Онъ добръ, честенъ, благороденъ» — записалъ Жуковскій въ кабинетѣ у Дубельта въ личномъ его присутствіи. Но поэтъ, какъ извѣстно, не отличался большимъ гражданскимъ мужествомъ. Понятно, что и «благодѣтельствуемые» Дубельтомъ литераторы Гречъ и Булгаринъ, охотно становившіеся въ уголъ по приказанію «отца и командира», считали его «человѣкомъ, какихъ немного». Не многимъ больше будутъ стоить комплименты, разсыпаемые Дубельту въ 1852 г. кн. П. В. Долгоруковымъ, желавшимъ добиться разрѣшенія жить въ Петербургѣ: «Дубельтъ расположенъ дѣлать добро и оказывать благодѣянія» и т. д. (М. Лемке «Кн. П. В. Долгоруковъ въ Россіи» «Былое» 1907, II, 162). Но вотъ характеристика Дубельта, сдѣланная въ «Быломъ и Думахъ» Герценомъ: «Дубельтъ — лицо оригинальное; онъ навѣрное умнѣе всего третьяго и всѣхъ трехъ Отдѣленій Собственной канцеляріи. Исхудалое лицо его, оттѣненное длинными свѣтлыми усами, усталый взглядъ, особенно рытвины на щекахъ и на лбу ясно свидѣтельствовали, что много страстей боролось въ этой груди прежде, чѣмъ голубой мундиръ побѣдилъ, или лучше — накрылъ все, что тамъ было» (II, 342 изд. Павленкова).

М. К. Лемке, цитируя другой отзывъ — Каратыгина сына («это была замѣчательная личность во многихъ отношеніяхъ: прекрасно образованный, прозорливый, умный и отнюдь не злой души человѣкъ») — пришелъ къ выводу, что «лукавый генералъ» дѣйствительно былъ «натура не совсѣмъ обыкновенная. Очевидно, тамъ, внутри, у него было что-то прикрытое мундиромъ, осталось, можетъ-быть, неизвѣстнымъ современникамъ и потомству». Въ силу такого разнорѣчія и особенно цѣнно опубликованіе интимныхъ записокъ Дубельта. Конечно, человѣкъ, бывшій «предметомъ ужаса для большинства жителей Петербурга», и въ то же время, «человѣкъ привѣтливый, ласковый и обязательный», умѣвшій обворожить словами, когда это требовалось при допросѣ (Селивановъ, Достоевскій, Костомаровъ), можетъ-быть заподозрѣнъ въ своей искренности и въ написаніи записокъ. Не слѣдуетъ слишкомъ довѣрять той «бури страстей», которую подчеркиваетъ Лемке, слѣдуя отзывамъ современниковъ. Не слѣдуетъ обольщаться чувствительностью генерала съ «волчьимъ» взглядомъ, начитаннаго въ священномъ писаніи и рыдавшаго отъ изобилія чувствъ, глядя на картину Брюллова — «Распятіе Спасителя». (О чемъ онъ сообщаетъ

женѣ 31 августа 1838 г.). Не слѣдуетъ обольщаться потому, что мы слишкомъ хорошо знаемъ цѣну этой чувствительности, присущей ханжеству. Дань этой чувствительности отдается и въ новыхъ запискахъ Дубельта. Ихъ цѣнность не въ этомъ, ихъ цѣнность и не въ отдѣльныхъ штрихахъ, дополняющихъ характеристику знаменитаго жандарма и оставшихся неизвѣстными «современникамъ и потомству»... Одного Дубельтъ не могъ скрыть въ своихъ запискахъ, несмотря на цитаты изъ Сенеки, Монтескье и т. д., — это полнаго убожества мысли. Кто прочтетъ эти записки, едва ли присоединится къ мнѣнію Герцена, Каратыгина и др. Нѣтъ, типичныя черты, отмѣченныя А. В. Поджіо при характеристикѣ правящей Россіи николаевскаго времени, проявятся здѣсь во всей своей полнотѣ.

С. Мельгуновъ.

Вѣра безъ добрыхъ дѣлъ мертвая вещь [1]).

Желалъ бы, чтобъ мое сердце всегда было полно смиренія; чтобы слова мои были благомудры, разговоры не скоры; чтобы въ трудахъ былъ бодръ; чтобы никого не обижалъ, напротивъ, чтобы всѣмъ желалъ добро; никого не презиралъ, даже и самаго убогаго человѣка; чтобы ни надъ кѣмъ не смѣялся и во всемъ видѣлъ бы добро; чтобы изъ устъ моихъ всегда излетали только слова любви и благодати, а въ дѣлахъ видѣлась бы одна только скромность; чтобы наружный мой образъ показывалъ внутреннее совершенство, выражая незлобіе и всегдашнее снисхожденіе и милость къ ближнему; чтобы въ каждомъ дѣлѣ я былъ исполненъ кроткой важности и постоянства; говорилъ немного, только о нужномъ; чтобы охотно выслушивалъ другихъ и отдавалъ бы всякому должное уваженіе; чтобы мало смѣялся и никогда не приходилъ въ смущеніе; чтобы обхожденіе мое съ другими было всегда кротко и безъ гнѣва; чтобы во мнѣ не было никакой гордости, но простота безъ малѣйшаго притворства, никакой изнѣженности, но во всемъ совершенное смиреніе; — однимъ словомъ, чтобы во всѣхъ дѣлахъ моихъ сіяла Божественная, преизобильная благодать.

Желаю невозможнаго, — но желаю!

Надо стараться, чтобы въ насъ славили и милость безпримѣрную, и привѣтливость, и смиреніе ангельское, и чтобы презирать и огорчать людей было бы мукою для нашего сердца.

---

[1]) Эти замѣтки Дубельта печатаются съ его собственноручной рукописи; онѣ, какъ видно изъ помѣтки на обложкѣ, относятся ко времени отъ 1830 г. по янв. 1862 г. включительно. *Ред.*

Пусть небо накажетъ меня годомъ страданія за минуту, въ которую умышленно оскорблю ближняго.

Не будьте животными, которыя видятъ и чувствуютъ землю, по которой ходятъ, но не видятъ неба, которое надъ ними.

Жить — есть не баклуши бить, а какъ можно лучше мыслить и дѣйствовать; любить добро; возвышаться душою къ его источнику, все другое есть шелуха. — Чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе объясняется для насъ цѣль жизни и ея совершенство. — Страсти должны не счастливить, а разрабатывать душу. — Дѣлайте что и какъ можете, только дѣлайте добро; а что есть добро, спрашивайте у совѣсти.

Первая обязанность честнаго человѣка есть: любить выше всего свое отечество и быть самымъ вѣрнымъ подданнымъ и слугою своего государя.

Сыновья мои! [1]) помните это. Меня не будетъ, но изъ лучшей жизни я буду видѣть, такіе ли вы русскіе, какими быть должны. — Не заражайтесь безсмысліемъ запада, — это гадкая, помойная яма, отъ которой, кромѣ смрада, ничего не услышите. Не вѣрьте западнымъ мудрствованіямъ; они ни васъ и никого къ добру не приведутъ. — Передайте это и дѣтямъ вашимъ, — пусть и они будутъ чисто русскими, — и да не будетъ ни на васъ, ни на нихъ, ниже пятнышка, которое доказывало бы, что вы и они не любятъ Россіи, не вѣрны своему государю. — Однимъ словомъ, будьте русскими, какимъ честный человѣкъ быть долженъ.

Помните, что мы всегда въ долгу у нашего возлюбленнаго отечества, и для его блага, не тутъ, такъ въ другомъ мѣстѣ, должны искать полезной дѣятельности. Чѣмъ менѣе другіе требуютъ ея отъ насъ, тѣмъ болѣе должны мы требовать ея отъ себя, какъ существа нравственнаго. — Для насъ одна Россія должна быть самобытна, одна Россія истинно существовать; все иное есть только отношеніе къ ней, мысль, привидѣніе. — Мыслить, мечтать мы можемъ въ Германіи, Франціи, Италіи, а дѣло дѣлать въ Россіи.

---

[1]) Сыновья Леонтія Васильевича: Николай, умеръ еще въ 60-хъ годахъ въ чинѣ г.-л. и командира гвардейской дивизіи, и Михаилъ, тоже умершій, подъ конецъ былъ комендантомъ Александропольской крѣпости на Кавказѣ. Мих. Леонт. былъ женатъ на Наталіи Александровнѣ Пушкиной, дочери поэта. Она развелась съ Мих. Леонт. и въ 1868 г. вышла замужъ за одного изъ Нассаусскихъ принцевъ, при чемъ получила титулъ гр. Меренбергъ.

А. В. ДУБЕЛЬТЪ *(акварель 30 г.)*.

«Его худощавое лицо съ длинными сѣдыми усами, пристальный взглядъ большихъ сѣрыхъ глазъ имѣли въ себѣ что-то волчье», характеризуетъ Дубельта П. П. Каратыгинъ *(Ист. Вѣст. 1887 г.)*. «Черты его имѣли что-то волчье и даже лисье, т.-е. выражали тонкую смышленость хищныхъ звѣрей; вмѣстѣ уклончивость и заносчивость» (отзывъ А. И. Герцена).

Не помню, отъ кого я это слышалъ. Кажется отъ Ростовцева. Россію можно сравнить съ арлекинскимъ платьемъ, котораго лоскутки сшиты одною ниткою, — и славно и красиво держатся. Эта нитка есть самодержавіе. Выдерни ее и платье распадется!

Не лучше ли красивая молодость Россіи дряхлой, гнилой старости западной Европы? Она 50 лѣтъ ищетъ совершенства и нашла ли его? — Тогда какъ мы спокойны и счастливы подъ управленіемъ нашихъ добрыхъ государей, которые могутъ иногда ошибаться и ошибаются, но всегда желаютъ намъ добра.

Я не знаю лучшаго подвига, лучшаго наслажденія, какъ подать руку бѣдному и руководить слѣпого юношу, слѣпого по своей неопытности и молодости.

Кто одѣнетъ пеленою крещенія новорожденнаго, того Матерь Божія одѣнетъ нетлѣнною ризою своего милосердія.

Доколѣ человѣкъ умѣетъ молиться, любить и мыслить, онъ не можетъ быть несчастливъ.

Въ нашей Россіи должны ученые поступать, какъ аптекари, владѣющіе и благотворными, цѣлительными средствами, и ядами— и отпускать ученость только по рецепту правительства.

Турокъ должно беречь и поддерживать, потому что для государства всегда выгоденъ глупый сосѣдъ.

Надо стараться имѣть гордый, непреклонный характеръ, но доброе, чувствительное сердце.

Послѣ кончины гр. Бенкендорфа, я встрѣтилъ эту добродѣтель въ высшей степени въ гр. А. Ѳ. Орловѣ.

Иностранцы, это гады, которыхъ Россія отогрѣваетъ своимъ солнышкомъ, а какъ отогрѣетъ, то они выползутъ и ее же кусаютъ.

Обязанности полиціи состоятъ: въ защитѣ лицъ и собственности; въ наблюденіи за спокойствіемъ и безопасностію всѣхъ и каждаго; въ предупрежденіи всякихъ вредныхъ поступковъ и въ наблюденіи за строгимъ исполненіемъ законовъ; въ принятіи всѣхъ возможныхъ мѣръ для блага общественнаго; въ защитѣ и вспомоществованіи бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ; и въ неусыпномъ преслѣдованіи всякаго рода преступниковъ.

Пусть же мнѣ докажутъ, что такого рода служба не заслуживаетъ уваженія и признательности согражданъ.

Кто изъ русскихъ можетъ забыть кроткую Елисавету, вѣнценосную супругу Александра Благословеннаго? Кто изъ русскихъ можетъ воспоминать объ ней безъ умиленія и чувства душевной, искренней признательности? Эта добродѣтельная государыня, мать сиротъ и несчастныхъ, употребившая всѣ дни незабвенной жизни своей на утѣшеніе страждущихъ и находившая сладкую, единственную награду въ тихомъ, ангельскомъ сердцѣ своемъ, — была для Россіи, какъ нѣкій даръ всевышней благодати! — Между многими ея, истинно неземными добродѣтелями, всѣмъ была извѣстна Ея неизмѣнная привязанность къ великому Александру. — Слѣдующій, хотя малозначущій, случай доказываетъ, однакоже, сколь безысключительно сердце Ея было предано обожаемому супругу и сколь сильно дѣйствовало па Ея Императорское величество одно имя Его.

Государыня Елисавета Алексѣевна, въ 1818-мъ году, слѣдуя изъ Москвы въ С.-Петербургъ, остановилась на Выдропужской станціи для перемѣны лошадей. Незадолго передъ тѣмъ черезъ этотъ же ямъ проѣхалъ императоръ. Когда лошади уже были перемѣнены, и Ея Величество отправилась въ дальнѣйшій путь, выдропужскій ямщикъ Иванъ Красовскій, въ домѣ коего, прежде заведенія въ этомъ ямѣ гостиницы, всегда останавливалась Царская фамилія, подбѣжалъ къ каретѣ и нарѣчіемъ, свойственнымъ доброму русскому народу, началъ просить государыню удостоить его домъ высокимъ своимъ посѣщеніемъ. «Матушка государыня, — сказалъ ямщикъ, — остановись пожалуй, да зайди на старую квартиру откушать чайку!» Ея величество, съ обыкновенною Ей ласкою, принявъ милостиво это усердное приглашеніе, не менѣе того отказывалась исполнить просьбу Красовскаго по той причинѣ, что дальній путь не оставлялъ ей лишняго времени. — Ямщикъ упорствовалъ, повторяя просьбу свою и, наконецъ, громко закричалъ: «Матушка! Да вѣдь отецъ нашъ, Александръ Павловичъ, приказалъ тебѣ зайти въ избу мою.» Услышавъ эти слова, Ея величество въ ту же минуту приказала остановиться, вышла изъ кареты и посѣтила обрадованнаго ямщика.

Вотъ черта покорности и любви къ супругу! — Пусть Господь упокоитъ душу кроткой Елисаветы и дастъ Ей мѣсто возлѣ ангела, который на небесахъ. [1])

Benjamin Constant сказалъ насчетъ Короля Прусскаго: «Il fait des innovations, et la dernière mesure qu'il prend, est toujours l'avant dernière!»

Управляющій 3-мъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи долженъ поставить себѣ за неизмѣнное правило: que chaque accusé doit être regardé comme innocent, jusqu'à ce que l'accusation portée contre lui soit demontrée par des preuves directes et suffisantes.

Say. Economie politique. — La meilleur manière de retenir les hommes et de les attirer, c'est d'être juste et bon envers eux, et d'assurer à tous la jouissance des droits qu'ils regardent comme les plus precieux: la libre disposition de leurs biens, la faculté d'aller, de venir, de rester, de parler, de lire et d'écrire avec une entière sûreté.

Послѣднее правило я признаю софизмомъ; — оно клонитъ къ свободѣ книгопечатанія, а совершенная свобода книгопечатанія есть бичъ человѣчества; — она, поддержанная другими причинами, свела съ ума всю западную Европу и привела къ ужасной мысли соціализма.

Fenelon. — L'homme le plus heureux est celui, qui croit l'être.

L'Hermite de la chaussée d'Antin. L'amour propre, helas! est le plus sot des amours.

L'envie et la haine se lévent plus matin que la justice et l'amitié.

Sénèque. O mes amis, il n'y a plus d'amis!

---

[1]) Далѣе слѣдуютъ выписки: «Изъ записокъ Наполеона», относительно которыхъ рукою Дубельта на поляхъ отмѣчено: «Эти мысли не Наполеона; онѣ слово въ слово напечатаны въ «L'art de la guerre» par Montholon. Подборъ ихъ представляетъ изъ себя замаскированную критику Польской кампаніи Дибича. Опускаемъ это мѣсто замѣтокъ Дубельта. *Ред.*

La Rochefoucault. Ce que les hommes ont nommé «amitié» — n'est qu'une societé, un ménagement réciproque d'intérèts, un échange de bons offices; ce n'est enfin qu'un commerce, où notre amour-propre se propose toujours quelque chose à gagner.

A la dernière révue je fais une rémarque un peu désagréable: ce que l'opinion qu'on énonce sur un régiment, n'est presque jamais que l'expression du centiment que l'on porte pour le chef.

Ou serait le mérite de servirà son pays, si l'on devait toujours compter sur la reconnaissance de la patrie?

Монтескьё. Нравы государя благопріятствуютъ свободѣ столько же, какъ и законы: подобно имъ, онъ можетъ дѣлать изъ людей скотовъ и изъ скотовъ людей. Если онъ любитъ людей свободныхъ, будетъ имѣть подданныхъ; если же Онъ любитъ людей подлыхъ, будетъ имѣть рабовъ. Желаетъ ли онъ научиться великому искусству царствованія? да приближитъ къ себѣ честь и добродѣтель; да призоветъ личное достоинство; да приклоняетъ къ себѣ сердца; да обходится со всѣми снисходительно. — Любовь послѣдняго изъ его подданныхъ должна ему быть пріятна, — они такіе же люди.— Народы требуютъ къ себѣ столь мало уваженія, что справедливость требуетъ ему оное оказывать (Sic).

Не должно принимать всего близко къ сердцу, — напротивъ, должно всегда быть какъ можно скромнѣе, равнодушнымъ на все, приказывать тихо, и ежели не исполнено, то повторить приказаніе безъ взысканія.

Слава Богу, что великая княгиня Анна Павловна, наконецъ, королева, — давно бы пора. Она уже около 30 лѣтъ замужемъ, а все была только наслѣдная принцесса. Умно сдѣлалъ старый король, [1]) что отдалъ свою полосу сыну, а самъ пошелъ въ захребетники. Право умно!

Государь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ обрученъ [2]). Виноватъ, эта партія мнѣ не нравится. Принцесса Дар-

[1]) Вильгельмъ I, первый король Нидерландовъ,—отказался отъ престола въ 1840 г.; ему наслѣдовалъ Вильгельмъ II, женой котораго была в. к. Анна Павловна.

[2]) Въ 1840 г. Нѣкоторую роль въ томъ, что выборъ наслѣдника остановился на Гес. Дармш. принцессѣ, сыгралъ секретарь нашего посольства при Франкфрутскомъ сеймѣ П. П. Маркеловъ. (См. его «Воспомнпанія» въ «Рус. Старинѣ», апрѣль 1898 г.).

мштадская чрезвычайно молода, ей нѣтъ 16-ти лѣтъ. По портрету не очень хороша собою, а нашъ наслѣдникъ красавецъ. — Дворъ Гессенъ-Дармштадскій такой незначущій! Принцесса росла безъ матери, которая умерла, оставя ее ребенкомъ. Не знаю, что-то сердце сжимается при мысли, что такой молодецъ, какъ нашъ наслѣдникъ, дѣлаетъ партію не по сердцу и себѣ не по плечу [1]).

Все великое и прекрасное такъ свойственно нашему государю, что ужъ и не удивляетъ! Отеческое Его попеченіе о голодныхъ губерніяхъ доказываетъ не только доброту, но какую то рыцарскую добродѣтель. Про Александра Павловича говорили, что онъ былъ на тронѣ — человѣкъ; про Николая надо сказать, что это на тронѣ ангелъ, — сущій ангелъ. Сохрани только, Господи, его подольше, для благоденствія Россіи. — Не нравится мнѣ, что Онъ поѣхалъ за границу [2]); тамъ много этихъ негодныхъ поляковъ, а онъ такъ мало бережетъ себя! Я далъ графу Бенкендорфу пару заряженныхъ пистолетовъ и упросилъ положить ихъ тихонько въ коляску государя. Какъ жаль, что онъ не бережетъ себя. Мнѣ кажется, что, принимая такъ мало попеченія о своемъ здоровьѣ и жизни, онъ сокращаетъ жизнь свою, — да какую драгоцѣнную жизнь! Счастливы тѣ, которые такъ сблизка видятъ его дѣла. Сколько дѣлаетъ онъ добра Россіи! вездѣ заведенія въ пользу общую, — въ Одессѣ, даже для жидовъ, учредилъ училище. Въ Сѣнномъ, въ 1812 году, французы разорили церковь и съ тѣхъ поръ жители этого города оставались безъ службы. Они сѣтовали, тѣмъ болѣе что другихъ церквей по близости отъ нихъ не было. Кто же выстроилъ имъ новую церковь? Ихъ помѣщики? Нѣтъ! выстроилъ ее Николай Павловичъ на свой счетъ. — Въ Смоленскѣ всѣ разоренные французами дома исправлены. А на чей счетъ? Государь пожаловалъ большія суммы денегъ Смоленску. — Великъ Николай Павловичъ, чудо-государь, — какая конституція сравнится съ его благодѣяніями.

Многіе находятъ, что А. Н. Демидовъ сдѣлалъ глупость, женившись на дочери Герцога Монтфорскаго [3]); а я такъ радуюсь, что русскій рядовой баринъ взялъ въ супруги внучку и племянницу императора и Короля, родственницу и нашего Царскаго дома. Мнѣ кажется, что это дѣлаетъ честь Россіи, что ея простой дворянинъ можетъ искать союза съ заграничными владыками. Не пони-

---

[1]) Этотъ абзацъ тщательно зачеркнутъ, но его удалось разобрать. *Ред.*

[2]) Въ 1844 г.

[3]) Принцесса Матильда, дочь Жерома Бонапарта, бывшаго Вестфальскаго короля.

маю, отчего нашъ государь не согласился утвердить за Демидовымъ титулъ князя Флорентинскаго [1]). Я почти увѣренъ, что блистательная партія Демидова породила зависть въ нашей аристократіи и они увѣрили государя, что такой бракъ вреденъ нашему отечеству; тогда какъ, напротивъ, бракъ этотъ доказываетъ преимущество нашей націи, и что русской богатый, благовоспитанный дворянинъ равенъ западнымъ князьямъ. Принцесса Матильда, прекрасная собою, конечно, имѣла много жениховъ между нѣмецкими и итальянскими князьями, но предпочла дворянина изъ націи, которую называютъ варварами. Воля ваша, я радуюсь этому браку и, любя Демидова за его благотворительность, горжусь этимъ бракомъ, дѣлающимъ честь Россіи. Если бы всѣ разсуждали безпристрастно и не давали бы воли своей гордости, то радовались бы вмѣстѣ со мною; но русское начало такъ подавлено окружающимъ тронъ Германизмомъ, что и русскіе сдѣлались нѣмцами и голосъ ихъ ослабѣлъ для правды. Жаль, что государь, всегда такой молодецъ, въ этомъ случаѣ не выказалъ своего обычнаго величія.

Сегодня мы молились на колѣняхъ за наслѣдника и его невѣсту и за благополучіе ихъ союза. Если бъ онъ могъ видѣть, какъ усердны къ нему русскіе, онъ бы порадовался! При молитвѣ я не могъ удержаться отъ слезъ, — кажется, что и многіе другіе плакали. Воображаю, что должны чувствовать государь и государыня, видя своего первенца, своего любимца, наслѣдника такой обширной власти, славы, такого престола, вступающаго въ такой важный союзъ, отъ котораго должна зависѣть вся будущая и его и Россіи участь. Дай Богъ ему счастія.

Неужели великая княгиня Марія Николаевна не пріѣдетъ на эту свадьбу? На такую свадьбу?

При чтеніи церемоніала объ обрученіи великой княжны Ольги Николаевны [2]) я радовался. Эта свадьба по сердцу русскихъ. Дай Богъ, чтобы она была такъ счастлива, какъ того заслуживаетъ, и столько, сколько желаетъ ей того вся Россія. Не нарадуюсь, что женихъ ей пара, и что Богъ избавилъ ее отъ супружества съ Австрійскимъ эрцгерцогомъ Стефаномъ. Въ Австріи она была бы такъ же несчастлива, какъ была покойная Александра Павловна, тѣмъ болѣе, что этотъ эрцгерцогъ Стефанъ сынъ того же Палатина Венгерскаго, который уморилъ съ горя покойную Александру Павловну, такую же красавицу, какова наша Ольга Николаевна. Ужъ точно Богъ ее помиловалъ отъ этого брака. Въ Австріи несмѣтное семейство; Эрцгерцогъ Стефанъ изъ младшихъ, потому что онъ только

---

[1]) Вѣрнѣе—титулъ князя Санъ-Донато.

[2]) Впослѣдствіи королева Виртемберская.

двоюродный братъ императора. — Ее, бѣдненькую, заклевали бы тамъ всѣ тетушки, дядюшки, сестрицы и братцы! Ея красота не тронула бы ихъ; они завидовали бы ей, старались бы затмить ее и для того загоняли бы ее различнымъ образомъ, какъ дѣлали съ великою Княгинею Александрою Павловной. — Вѣдь они нѣмцы! — Даже теперь страшно, когда подумаешь, что Ольга Николаевна могла попасть туда. Слава Богу, что Онъ избавилъ ее отъ этой напасти и послалъ ей жениха, болѣе ее достойнаго, — хотя, конечно, нѣтъ на свѣтѣ такихъ принцевъ, которые были бы совершенно ея достойны.

Замѣтили ли, какъ наши царевны Александры недолговѣчны?— Изъ потомства императора Павла Петровича умерло восемь великихъ княгинь и княженъ, — изъ этого числа четыре Александры: Александра Павловна, Александра Михайловна, Александра Максимиліановна и теперь Александра Николаевна [1]). — Если сказать, что это потому, что много было царевенъ этого имени, такъ еще болѣе имени Маріи, а Маріи, славу Богу, живы. Смотрите: у государя сестра Марія жива, сестра Александра умерла; у него же дочь Марія здравствуетъ, а дочь Александра скончалась. У великаго князя Михаила Павловича дочь Марія жива, Александра умерла. У великой княгини Маріи Николаевны дочь Марія жива, дочь Александра умерла. Конечно не отъ имени онѣ умерли, но какъ-то странно!

Когда же возвратится наша цесаревна? Ужъ и она не хвораетъ ли? Мнѣ кажется, вся бѣда отъ того, что наши принцессы великія княжны рано замужъ выходятъ. Марія Александровна вѣнчалась 16-ти лѣтъ; Александра Николаевна 18-ти. Сами дѣти, а тутъ у нихъ дѣти; — какому же тутъ быть здоровью! — Крестьянки выходятъ замужъ 16—17 лѣтъ, такъ какая разница въ ихъ физическомъ сложеніи! Крестьянки не носятъ шнуровокъ, ѣдятъ до-сыта, ѣдятъ много, спятъ еще больше, не истощены ни ученіемъ, ни принужденіемъ. Въ нихъ развивается одна физическая сила и потому развивается вполнѣ, какъ въ животныхъ; но и тутъ, ко-

---

[1]) Она была замужемъ за наслѣднымъ принцемъ Гессенъ-Кассельскимъ. Умерла въ 1844 г. въ Царскомъ Селѣ. Разъ, во время болѣзни вел. княгини имп. Николай сказалъ лейбъ-медику Рауху:—чтобы она была жива! ты мнѣ отвѣчаешь за нее.—Нѣтъ, В. В,, она умретъ, никакая медицина не можетъ спасти ее. Когда вел. кн. дѣйствительно умерла, Раухъ былъ лишенъ придворнаго званія. Въ свое время Раухъ, какъ докторъ, пользовался въ Петербургѣ большой извѣстностью; онъ былъ еще живъ въ началѣ 60-хъ годовъ. Разсказъ объ увольненіи Рауха отъ двора я слышалъ отъ его внучки Ев. Карл. (урожденной Задлеръ), жены Н. Л. Тиблера.

торая дѣвка рано вышла замужъ и много имѣла дѣтей, въ 30 лѣтъ уже старуха. — Въ большомъ свѣтѣ гонятся за тонкою таліей, за эфирностію и прозрачностію тѣла; а эти корсеты влекутъ за собою слабость и разстройство здоровья.

Рескриптъ государя на имя генералъ-губернатора, по случаю похоронъ великой Княгини Александры Николаевны, безъ слезъ нельзя читать. Дай Богъ ему здоровья, что онъ любитъ свою Россію. Видно любитъ, что изъявленіе ея привязанности и скорби можетъ служить ему утѣшеніемъ въ такую горькую минуту. — Боже мой! если бы наши цари знали, какъ мы ихъ любимъ, какъ чувствуемъ ихъ попеченія. Конечно, теперешнее горе царскаго семейства есть общее горе, и надо бы наложить трауръ не только на придворныхъ, но на всю Россію, и не на три, а надо бы горевать шесть мѣсяцевъ, и безъ цвѣтныхъ лентъ.

Болѣе всѣхъ жаль государыню; она сама такая слабая, — не теряла дѣтей маленькихъ, каково же ей теперь потерять дочь взрослую, замужнюю, красавицу! — Между тѣмъ должно быть, что чахотка—семейная болѣзнь, потому что мать государыни также умерла очень молода и этою же болѣзнію; да и государыня сама насилу избѣжала той же участи. Страшно и за Ольгу Николаевну; она такая эфирная и если будетъ имѣть дѣтей, Боже сохрани, чтобъ и съ нею того же не было. Не понимаю, отчего обвиняютъ мужа Александры Николаевны въ ея болѣзни! Чѣмъ же онъ виноватъ, что ей досталась наслѣдственная чахотка?

Жаль мнѣ великой Княжны Маріи Михайловны. Каково это! изъ пяти дочерей у Елены Павловны остается одна Екатерина Михайловна. Бѣдная мать! — Теперь великій Князь Михаилъ Павловичъ будетъ еще сердитѣе прежняго, потому что у него нравъ такого рода, который не смягчается, а раздражается отъ огорченія. Наша бѣдная военная молодежь дорого заплатитъ за болѣзнь Маріи Михайловны, и, къ несчастію, за ея кончину.

Какъ жаль, что умираютъ такіе ангелы, какъ эти три великія Княжны: Александра Николаевна, Елисавета и Марія Михайловны. Кому бы и жить, какъ не имъ? Молоды, прекрасны, всѣми обожаемы, ни въ чемъ не нуждались. Иному ѣсть нечего; у другого все сердце изныло отъ печали, — тотъ живъ!

Воображаю, какъ доволенъ государь, что у него вдругъ два внука, особенно, что у наслѣдника сынъ [1]). Это видно по числу

[1]) Николай Александровичъ.

производствъ при рожденіи и крестинахъ. — Дай Богъ, чтобы новорожденный росъ, былъ здоровъ и веселилъ сердце дѣда, родителей и всѣ русскія сердца, не только здоровьемъ, но еще болѣе достоинствами, свойственными будущему повелителю шестой части свѣта. Дай Богъ! — Всѣ русскіе помолятся объ этомъ. — А я думаю, какъ вся западная Европа бѣсится за это! Имъ бы хотѣлось, чтобы у насъ и дѣти не родились.

Какъ хорошо быть русскимъ; какъ хорошо вездѣ за границей принимаютъ русскихъ! Дай Богъ здоровья и всякаго счастія нашимъ царямъ, что они такъ прославили имя русское на землѣ, и дай Богъ здоровья нашему государю Николаю Павловичу, что онъ, при послѣднемъ трактатѣ съ Турціею [1]), такъ занялся обезпеченіемъ для русскихъ переѣзда въ Іерусалимъ и пребыванія ихъ тамъ на богомольѣ. Бывало, съѣздить въ Іерусалимъ, поклониться святымъ мѣстамъ, было труднѣе, чѣмъ побывать на томъ свѣтѣ; а теперь эта поѣздка сдѣлалась прогулкою по милости государя, который позаботился о томъ, чтобы сдѣлать это путешествіе доступнымъ каждому изъ его подданныхъ. Посмотрите, какими попеченіями окруженъ русскій въ такомъ отдаленіи отъ отечества, въ Азіи, между иновѣрцами! — Всѣмъ этимъ мы обязаны государю; какъ не благодарить его за себя и за дѣтей нашихъ! Сердце радуется, что имя нашего отечества такъ звучно въ такомъ отдаленіи. А кому мы этимъ обязаны, какъ не царямъ нашимъ, особенно нынѣшнему государю Николаю Павловичу, который войною съ Персіею и войною съ Турціей, и выгоднымъ міромъ, и условіемъ о доставленіи русскимъ всѣхъ удобствъ при посѣщеніи Іерусалима, еще болѣе прежняго прославилъ Россію на востокѣ.

Если судить по прошедшему о будущемъ, то многіе вѣка пройдутъ какъ тѣни, унося съ собою милліоны людей и память о нихъ. Отъ времени и обстоятельствъ не только веси, грады и твердыни исчезаютъ съ лица земли, но и царства отжившія падутъ, какъ древа согнившія въ корнѣ. Между тѣмъ не угаснетъ звѣзда Россіи, вѣнчающая славныя, мудрыя дѣла императора Николая Павловича въ теченіе его 25-лѣтняго царствованія.

При всей строгой наружности императора Николая Павловича, онъ человѣкъ самаго мягкаго, добраго сердца; чувства его всегда возвышенны, благородны; — онъ настоящій рыцарь sans peur et

---

[1]) Адріанопольскій трактатъ 1829 г.

sans réproche. — Послѣднему изъ министровъ труднѣе говорить правду, нежели ему. — При личныхъ докладахъ онъ выслушиваетъ ее съ величайшимъ вниманіемъ; позволяетъ даже спорить съ собою и свободно выражать свой образъ мыслей и взглядъ на дѣла и вещи. Въ такомъ самостоятельномъ, непреклонномъ характерѣ, это черта высокая и мы рѣдко, почти никогда не встрѣчаемъ ее даже въ мелкихъ властелинахъ.

Нѣсколько дней тому назадъ онъ приказалъ мнѣ посадить въ крѣпость одного еврея, виновность котораго еще не была совершенно доказана. Я осмѣлился возразить и сказалъ: «дайте время, государь, — разсмотримъ дѣло подробно и ежели онъ точно виноватъ, то не уйдетъ отъ насъ, — если же онъ окажется невиннымъ, то чѣмъ искупите вы его невинное заключеніе?» — Правда, что онъ взглянулъ на меня такъ строго, что признаюсь, хоть сквозь землю провалиться, и я подумалъ: ну, быть бѣдѣ! Но, помолчавъ нѣсколько, онъ только сказалъ: «нѣтъ, посади его въ крѣпость!» Приказаніе я исполнилъ, а черезъ 4 мѣсяца обнаружилась совершенная невинность несчастнаго еврея.

«Ты былъ правъ, — сказалъ мнѣ государь, — теперь скажи, чѣмъ могу я вознаградить его невинное заключеніе?» — Деньгами, отвѣчалъ я, — этотъ народъ готовъ за сто рублей просидѣть и годъ въ крѣпости. Его Величество приказалъ выдать жиду 4 т. рублей.

Много ли такихъ людей, готовыхъ такъ честно сознать свою ошибку?

Отъ излишняго усердія, перенесъ я сегодня большое огорченіе. Англійскій флотъ началъ заводить винтовые корабли. Мнѣ пришло въ голову, что ежели ихъ флотъ будетъ двигаться парами, а нашъ останется подъ парусами, то при первой войнѣ нашъ флотъ тю-тю! Игрушки подъ Кронштадтомъ и пальба изъ пищалей не помогутъ. Похваливаютъ это наши злодѣи, иностранцы, чтобъ усыпить насъ, чтобъ закрыть намъ глаза, а въ душѣ смѣются. — Эту мысль я откровенно передалъ моему начальнику[1]) и сказалъ мое мнѣніе, что здравый смыслъ требуетъ, ежели иностранныя державы превращаютъ свою морскую силу въ паровую, то и намъ должно дѣлать то же и стараться, чтобы нашъ флотъ былъ также подвиженъ, какъ и ихъ.

На это мнѣ сказали: «ты, съ своимъ здравымъ смысломъ, настоящій дуракъ!»

Вотъ тебѣ и на!

Несмотря на то, что нѣсколько времени тому назадъ меня назвали дуракомъ, я опять попался въ ту же бѣду! — Къ намъ

[1]) Гр. А. Ѳ. Орлову.

пріѣзжалъ Мёнье и другіе иностранцы съ предложеніемъ придать вящшую силу нашему оружію. Комитетъ отвергнулъ ихъ предложеніе, потому что они дорого просили за открытіе ихъ тайны.— «Помилуйте,—сказалъ я, — наши комитеты жалѣютъ денегъ, а не подумаютъ о томъ, что эти механики передадутъ свои тайны другимъ Европейскимъ державамъ, и тогда, при первой войнѣ, онѣ разгромятъ насъ своими новыми, намъ неизвѣстными, разрушительными средствами.

Тутъ проглотилъ я ту же пилюлю, которую проглотилъ при сужденіи о флотѣ.

Въ Петергофѣ, во время доклада, государь Николай Павловичъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ: «Ты знаешь, что Клейнмихель споритъ со мною о желѣзныхъ дорогахъ, — боюсь, чтобы онъ опять не завелъ со мною тяжбы, какъ было по дѣлу Лярскаго!» — Не можетъ быть, Ваше Величество, — отвѣчалъ я, — графъ Клейнмихель слишкомъ вамъ преданъ и слишкомъ любитъ васъ, чтобы снова васъ огорчить. На это государь возразилъ: «Я не люблю, чтобы меня такъ любили, какъ любитъ онъ!»

Не знаю, замѣчаютъ ли, что съ тѣхъ поръ, какъ Англичане подружились съ французами [1]), то сдѣлались такими же бѣшеными, какъ и они. Въ газетахъ тьма этому примѣровъ.

Слава Богу, что государь выздоровѣлъ; но какъ огорчаетъ всѣхъ, что и государыня нездорова. Она такая слабая, много ли ей надо! Дай Богъ, чтобы и она скорѣе поправилась.

Государь далъ Франціи денегъ взаймы [2]). Поступокъ его, конечно, великолѣпный, но боюсь, что немногіе оцѣнятъ его. Иные скажутъ, что это изъ хвастовства; другіе, что онъ хочетъ подкупить французское народное мнѣніе; третьи станутъ жаловаться, зачѣмъ столько денегъ уходитъ за границу, когда сама Россія нуждается во многомъ. Мало кто пойметъ и оцѣнитъ истинное побужденіе высокой души государя, — желаніе отплатить добромъ лютѣйшимъ врагамъ своимъ. Впрочемъ—нечего смотрѣть на дураковъ и на неблагонамѣренныхъ людей. Угодить всѣмъ нельзя, такъ лучше же дѣйствовать по внушенію сердца, когда внушеніе это такъ бла-

---

[1]) Это замѣчаніе относится еще ко временамъ Людовика Филиппа.

[2]) Въ 1847 г. во Франціи былъ сильный кризисъ вслѣдствіе неурожая; для облегченія закупокъ хлѣба въ Россіи нашимъ правительствомъ было пріобрѣтено отъ франц. банка на 50 м. фр. французской ренты.

городно. — Всѣ честные люди довольны его поступкомъ и гордятся тѣмъ, что дѣлаетъ честь отечеству. Для нихъ государь представляетъ отечество, точно такъ же, какъ бывало это въ старину для русскихъ. Теперь толкуютъ иначе и отъ того сердце болитъ. Россія была доселѣ сильна и велика; того и смотри, что распадется на части отъ нынѣшнихъ узорчатыхъ мнѣній.—Прежде, бывало, толковали такъ: «Какъ я буду исполнять свои обязанности, права мои придутъ сами собою!» Теперь же говорятъ вотъ какъ: «Давай мнѣ права, а объ обязанностяхъ я знать не хочу!»

Мнѣ кажется, что казенное воспитаніе много портитъ молодежь нашу, не только въ отношеніи нравственности, въ поведеніи, но также и насчетъ мнѣній противъ государя. Когда родители сами воспитываютъ дѣтей, они стараются внушать имъ чувства и правила порядочныя. Въ корпусахъ же свирѣпствуетъ такой духъ непокорности, такое отчужденіе отъ всего прекраснаго, такой страшный эгоизмъ, что и самый лучшій юноша заражается этими недугами; потомъ вноситъ ихъ въ общество и распространяетъ ихъ тамъ; а какъ общество наполнено воспитанниками корпусовъ, такъ и мудрено ли, что эта зараза каждый день дѣлается сильнѣе! Корпуса стоятъ казнѣ очень дорого, а корпуса губятъ Россію, истребляя всѣ хорошія чувства въ молодыхъ людяхъ и замѣняя добрыя родительскія правила какимъ то неукротимымъ буйствомъ, которое ни въ чемъ не знаетъ мѣры. Правительство, конечно, желаетъ счастія тѣмъ, кого воспитываетъ; но ему неизвѣстно, какой ужасный духъ господствуетъ въ корпусахъ. — Я самъ воспитывался въ корпусѣ и, бывало, чортъ знаетъ что дѣлали кадеты! а теперь еще хуже. — Воспитаніе дѣтей поручено великому Князю Михаилу Павловичу! Да развѣ онъ можетъ быть хорошимъ воспитателемъ юношества? да развѣ онъ имѣетъ понятіе объ истинномъ воспитаніи? Человѣкъ онъ честный, но сердитый, который думаетъ только о томъ, чтобы у мальчика всѣ пуговицы были застегнуты, чтобъ фронтъ хорошо равнялся и чтобы дѣти проворно метали ружьемъ. Игрушки! — Да развѣ въ этомъ состоитъ истинное нравственное воспитаніе? — Воля ваша, а этотъ человѣкъ бѣда Россіи. Своимъ фронтомъ онъ сбилъ съ толку и государя. — Генералъ-фельдцейхмейстеръ, генералъ-инспекторъ по инженерной части, онъ не думаетъ ни объ укрѣпленіи границъ государства, ни объ улучшеніи оружія; отказываетъ пріѣзжающимъ къ намъ иностранцамъ съ предложеніемъ новой системы ружей и оставляетъ армію, вмѣсто ружья, съ палками! Онъ разъ даже выразился, что война портитъ солдата и по его разумѣнію достоинство войска состоитъ только въ блистательныхъ парадахъ. Въ этой слѣпотѣ онъ умѣлъ внушить доброму государю, что мы-де забросаемъ всѣхъ шапками! Нѣтъ, шапками не забросаешь непріятельской арміи; десятка два хорошихъ штыковъ размечутъ тысячи шапокъ. — Разъ, при мнѣ,

онъ, разсердясь въ Красномъ Селѣ, что какой то солдатъ выставилъ немного впередъ лѣвое плечо, такъ раскричался, что пѣна показалась у рта, и, въ гнѣвѣ, поднявъ кулакъ, онъ не проговорилъ, а прокричалъ гвардейскимъ генераламъ: вами надо командовать вотъ какъ: въ одной рукѣ держать пукъ ассигнацій, а въ другой палку! — Отъ этихъ обидныхъ словъ я видѣлъ слезы на глазахъ многихъ почтенныхъ генераловъ. Такой человѣкъ можетъ ли имѣть понятіе о воспитаніи юношества? — Кажется, что вся цѣль его жизни состоитъ только въ насмѣшкахъ надъ честными русскими, въ каламбурахъ и въ наказаніи молодыхъ офицеровъ, не за преступленіе, не за безнравственность, а за какой-нибудь криво надѣтый киверъ!

Пуще холеры [1]) огорчаетъ Россію рекрутскій наборъ, и такой большой, что ужасъ беретъ. Едва къ марту кончили поставку рекрутъ, теперь, къ 1-му ноября, опять подавай по 10 человѣкъ съ тысячи! — Два набора въ одномъ году! Да этого никогда не бывало. Помѣщики и народъ ропщутъ и мнѣ кажется, еслибъ доложили государю, какъ это истощаетъ народныя силы, онъ пощадилъ бы своихъ подданныхъ, которые, конечно, ему дороги; но онъ такъ высоко стоитъ, что самъ не увидитъ страданій народа.

Эти частые и безполезные наборы начинаютъ производить ропотъ; никто не видитъ непріятеля, а теряемъ людей, какъ будто Наполеонъ опять на границахъ Россіи. Подданные должны любить своего государя, этимъ держится государство, и русское сердце всегда расположено къ горячей любви къ царю; но когда человѣкъ ропщетъ, ужъ онъ не любитъ; — а это жаль и для Царя, и для подданныхъ.

Еще подумаешь, что такой повсемѣстный вопль доходитъ до царя Небеснаго. Подумаешь, что бѣдствія-то на Россію накликаютъ жалобы и плачъ отчаянныхъ матерей, женъ и отцовъ, у которыхъ отнимаютъ ихъ драгоцѣннѣйшее сокровище для того, чтобы сдѣлать ихъ совершенно несчастными. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть несчастнѣе солдата, у котораго нѣтъ ни кола, ни двора, ни семейства, ни жены, ни дѣтей, ни свободы дышать, или двигаться иначе, какъ по воинскому уставу. А что дѣлается съ его родителями, съ женою, съ дѣтьми! Иногда мать умираетъ съ горя, отецъ дряхлѣетъ отъ грусти; жена дѣлается публичною бабою; дѣти, въ сиротствѣ, становятся негодяями, все семейство лишается пропитанія, потому что онъ одинъ кормилъ ихъ. Наши же русскіе мужички очень долго горюютъ по рекрутѣ. Имъ смерть не такъ тягостна, какъ рекрутство. Положилъ въ могилу сына, поплакалъ, сказалъ: «будь его святая воля! — мой сынъ-де въ вѣрномъ мѣстѣ;

---

[1]) 1848 г.

у Господа хорошо, не то, что здѣсь—и хлѣбъ не родится! и трудно жить. У Господа на небесахъ все готово!» — и утѣшился. Но о рекрутѣ онъ плачетъ долго, потому что знаетъ, какъ его сыну жизнь тягостна. При томъ не видитъ тутъ перста Божія, а видитъ только волю человѣческую. Не опомнилось еще одно, другое семейство отъ сдачи кормильца своего въ рекруты, какъ уже летитъ та же бѣда на третье и десятое. Всѣ головы кружатся и у крестьянъ, и у начальниковъ. Помѣщики уже не знаютъ, кого выбирать, чтобы и крестьянъ поберечь и волю правительства выполнить. Впрочемъ, сердце царево въ рукѣ Божіей! — Далъ бы Господь, чтобы батюшка нашъ великій государь оглянулся на насъ и пощадилъ бы дѣтей своихъ. Если бы нашъ добрый государь зналъ, какое это горе для всѣхъ, еслибъ онъ видѣлъ эти обмороки, эти слезы, еслибъ слышалъ эти вопли отчаянныхъ женъ и матерей, Его сердце тронулось бы, и Онъ, въ своемъ отеческомъ милосердіи, придумалъ бы какой-нибудь другой способъ пополнять войско. Кромѣ того горестнаго времени, въ которое продолжается эта нравственная пытка, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ, еще и послѣ какъ долго, сколько лѣтъ всѣ эти семейства не могутъ утѣшиться. У нихъ отнимаютъ всегда самаго лучшаго, самаго здороваго, того, который въ лучшемъ цвѣтѣ лѣтъ и который былъ кормильцемъ всей семьи. — Не понимаю, отчего помѣщикамъ не позволяютъ нанимать рекрутовъ со стороны, какъ то дѣлается въ вольныхъ деревняхъ! Вольные крестьяне имѣютъ право нанимать за себя охотниковъ; отчего же это самое не позволено помѣщикамъ? Кто идетъ охотой, тотъ не въ отчаяніи. Чѣмъ ближе человѣкъ къ природѣ, тѣмъ чувства его глубже и сильнѣе. Отъ частаго прикосновенія къ обществу и столкновенія съ его пороками чувствительность въ человѣкѣ исчезаетъ; но деревенскіе жители, особенно крестьяне, сохраняютъ свою природную чувствительность во всей силѣ. Наши паны этому не повѣрятъ, они даже не вѣрятъ, что у крестьянъ есть чувство, а оно такъ, — эта чувствительность такъ глубока въ нихъ, что горестнаго впечатлѣнія ни самое время истребить не можетъ; и отъ того, у кого сданъ былъ рекрутъ 20 лѣтъ тому назадъ, то семейство все еще тужитъ, все еще не можетъ придти въ порядокъ. Упадокъ духа производитъ въ нихъ разстройство въ ихъ жизни. Они бѣднѣютъ отъ печали, потому что грустятъ непомѣрно и ничто не въ силахъ ихъ утѣшить. У нихъ отъ огорченія все валится изъ рукъ; отъ тяжкаго удара они грустятъ всю жизнь; тяжелѣе же рекрутства для нихъ нѣтъ въ мірѣ ничего. Сдача рекрута разстраиваетъ семейство навсегда. Отецъ и мать сданнаго рекрута, если люди не старые, вдругъ хилѣютъ и такъ изнемогаютъ отъ слезъ и грусти, что часто дѣлаются ни къ чему неспособными; меньшія дѣти ужъ имъ не милы, они почти не занимаются ими, потому что не могутъ забыть, что у нихъ отняли

самаго лучшаго ихъ сына, того, надъ кѣмъ дышала ихъ нѣжность, того, котораго они готовили быть опорою ихъ старости. Разумѣется, когда главы семейства убиты горемъ, все въ домѣ идетъ на выворотъ; семья бѣднѣетъ, разстройство всего хозяйства наводитъ на нихъ еще болѣе унынія, и нѣтъ средства помочь имъ, потому что нѣтъ возможности вынуть изъ сердца ихъ той занозы, которая глубоко вросла въ немъ.

Всѣ эти несчастія можно бы предупредить, еслибъ позволено было нанимать охотниковъ. Есть люди одинокіе, удалые, праздношатающіеся, которымъ негдѣ пріютиться; они за нѣсколько сотъ рублей съ радостію наймутся въ рекруты, потому что имъ оставлять некого и нечего. Есть множество гулевой молодежи, которая ищетъ только покутить и которой вездѣ море по колѣно. То не лучше ли итти въ солдаты такому молодцу, чѣмъ погибать цѣлому семейству? и не лучше ли оставить жить мирную семью въ полномъ составѣ своемъ, а принимать въ военную службу такихъ людей, которымъ некуда головы приклонить и которые сами рады развязаться съ своимъ безполезнымъ образомъ жизни?

Читая французскія газеты, и видя, что французы не ищутъ войны ни съ кѣмъ [1]), я не понимаю, зачѣмъ мы станемъ воевать съ этими сумасбродами? Они объявляютъ, что никого не тронутъ, лишь бы ихъ не трогали; то будетъ ли разсудительно итти на нихъ, такъ, ни съ чего, отъ того только, что намъ не нравится ихъ республика? Мнѣ кажется, лучше принять мѣры, чтобы у насъ не было охоты подражать имъ; война же непремѣнно надѣлаетъ много недовольныхъ, и, по милости Михаила Павловича, какое у насъ оружіе въ сравненіи съ иностранными державами, чтобъ воевать съ кѣмъ-нибудь!—Пойдутъ налоги, рекруты, вотъ и поводъ къ неудовольствію. Военные, конечно, рады будутъ походу, это ихъ сѣнокосъ; но остальное народонаселеніе пострадаетъ отъ этой войны, и тѣмъ менѣе будутъ ее оправдывать, что не поймутъ цѣли ея. Наши финансы не въ блестящемъ положеніи, а чтобы поддерживать войну противъ цѣлой Европы, надо много денегъ. Гдѣ же взять ихъ? Разумѣется, надо будетъ усилить налоги, противъ которыхъ и теперь идетъ ропотъ. Война требуетъ людей, надо новые рекрутскіе наборы, а ужъ и теперь отъ нихъ всѣ въ отчаяніи. Вся Европа станетъ за Францію, то гдѣ же намъ справиться съ цѣлой Европой, когда и съ Кавказомъ не справимся, хотя Кавказъ намъ домашнее дѣло и эта война идетъ у насъ въ карманѣ, подъ рукою, а и тутъ, сколько бьемся, а конца не добьемся!—Какое намъ дѣло, что французы

---

[1]) Это относится къ дипломатическому циркуляру Ламартина (м. ин. дѣлъ времен. правительства) отъ 2 марта 1848 г.

безумствуютъ; провались они сквозь землю, лишь бы мы были умны; они пусть себѣ хоть искусаютъ другъ друга,—туда имъ дорога.—Стереть Францію съ земли мы одни не можемъ, а намъ противъ нихъ никто помогать не будетъ, потому что всѣ эти нѣмцы заражены такими же мыслями.

Конечно, это не мое дѣло, но мнѣ кажется, что благоразумнѣе было бы оставить ихъ блажить, сколько имъ угодно; тогда примѣръ ихъ несчастій скорѣе подѣйствуетъ на наши горячія головы, на нашихъ передовыхъ людей, какъ они себя называютъ, нежели война. Хоть бы мы и покорили ихъ, то невозможно покорить ихъ совершенно. Поляки еще и не такъ своевольны и развратны, а и то, сколько бѣдъ съ ними,—да и они подъ рукою у насъ, да и не мы одни ихъ держимъ въ рукахъ,—а съ французами самъ Наполеонъ едва могъ справиться, да и то какъ,—не давая имъ ни минуты опомниться.

Положимъ, что мы одолѣемъ ихъ, но кто передѣлаетъ ихъ мнѣнія, накопившіяся вѣками? Когда и у себя, въ Россіи, мы не въ силахъ уничтожить свободомыслія, то какъ же мы урезонимъ или усовѣстимъ, или укротимъ французовъ? Не будетъ ли это немножко похоже на то, что пойдемъ чинить домъ сосѣда, а не видимъ, что собственная наша изба валится!—Притомъ, если мы и одолѣемъ этихъ сумасбродовъ, развѣ уймемъ ихъ надолго? развѣ уймемъ крикуновъ Европы и своихъ собственныхъ? Тутъ-то и скажутъ: Смотрите, что дѣлаетъ Россія! да это хуже Наполеона! Какое ей дѣло, гдѣ какая форма правленія! Вотъ деспотизмъ! Бѣдные французы, они было такъ разсудительно хотѣли управлять сами собою,—какъ же, peuple Roi!—управлять сами собою и своею невинною республикою, а тутъ этакое тиранство, не даютъ имъ и управлять по своему! Да русскій царь настоящій Неронъ, Діоклетіанъ, Калигула, да онъ даже настоящій Клейнмихель, онъ хочетъ всемірной имперіи! Европа должна думать о своей независимости! и пр. и пр.—А русскіе скажутъ: сидѣлъ бы нашъ батюшка-царь у себя дома, да глядѣлъ бы за порядками своей земли; а что ему до бусурманъ до французовъ? оно выходитъ для насъ, только рекрутовъ, да денежекъ подавай!

Когда же оставить имъ свободу блажить и дурачиться, сколько душѣ ихъ угодно, тогда ихъ собственная дурь доведетъ ихъ до крайности; и тогда наши умники и крикуны увидятъ, что такое французы и ихъ премудрость, и что такое республиканское правленіе.—Умничанье вообще ослѣпляетъ людей; ихъ можно убѣдить только на дѣлѣ, допустивъ всѣ бѣдствія безначалія, разумѣется, не у насъ, а у этихъ негодныхъ французовъ. Увидѣли бы, что у нихъ дѣлается и скорѣе поняли бы всю гнусность ихъ поступковъ. А теперь, все будутъ твердить: имъ вѣдь помѣшали, а то было бы хорошо! Впрочемъ, я позволю отрубить себѣ голову, ежели эта взба-

ламученная республика продолжится долго, и если господинъ президентъ не приметъ ихъ въ руки и не сдѣлается императоромъ,—да какимъ императоромъ? что твой Наполеонъ I-й!

Вѣдь какъ-то невольно сравниваешь нашъ добрый русскій народъ съ ближними европейцами, и не можешь не отдать справедливости смиренію и покорности нашихъ славныхъ мужичковъ. Какъ подумаешь, что теперь дѣлается вездѣ; какая путаница во всѣхъ образованныхъ европейскихъ государствахъ, то не можешь нарадоваться, какъ взглянешь кругомъ себя. Миръ, тишина, трудолюбіе, подчиненность! а сколько благодарности въ этихъ добрыхъ сердцахъ за малѣйшее къ нимъ вниманіе! И все это отъ того, что нашъ народъ не избалованъ вымышленною свободою и ни съ чѣмъ несообразными правами человѣка! правами, основанными на уничтоженіи ближняго. Но что странно, что въ народѣ извѣстны французскія дѣла, и всѣ толкуютъ о томъ, что французскій король бѣжалъ. Но пріятно слышать, какъ они толкуютъ,—они говорятъ: «вишь, что французы затѣяли, всѣ хотятъ быть большими! да какой же въ избѣ будетъ толкъ, гдѣ всѣ будутъ большіе? Вѣдь въ небѣ Богъ одинъ, на небѣ солнце одно, и въ семьѣ отецъ одинъ, такъ какъ же быть царямъ многимъ?» Утѣшительна такая привязанность къ единовластію, потому что доказываетъ глубокую увѣренность русскаго народа, что верховный правитель долженъ быть одинъ, а не многіе.

Я нисколько не сомнѣваюсь, что наша нравственная Россія-матушка слишкомъ благоразумна, чтобы послѣдовать примѣру европейскихъ понятій. У насъ нравы такъ патріархальны, толку въ простомъ народѣ такъ много, и много оттого, что у насъ всякій занятъ дѣломъ, а не бьетъ баклуши, какъ французы. Замѣтьте: кто говоритъ вздоръ, кто несетъ и дѣлаетъ чепуху? тѣ, которые истиннымъ дѣломъ не умѣютъ заняться;—а чтобы русскій народъ умѣлъ быть дѣльнымъ, не надо у него изъ рукъ дѣла отымать.

Отчего блажатъ французы и прочіе западные народы? Отчего блажатъ и кто блажитъ? Не чернь ли, которая вся состоитъ изъ работниковъ? а почему она блажитъ? не оттого ли, что имъ ѣсть хочется и ѣсть нечего? Оттого, что у нихъ земли нѣтъ,—вотъ и вся исторія. Отними и у насъ крестьянъ и дай имъ свободу, и у насъ черезъ нѣсколько лѣтъ то же будетъ. Теперь русскому мужичку, если его никто не подстрекаетъ, бунтовать некогда и незачѣмъ. У него своя полоса, оттого есть забота и постоянная надежда, что онъ не умретъ съ голоду. У него свой теплый уголъ, своя семья, своя корова, лошадки, овцы, свой огородъ, свое хозяйство, и если онъ не дуракъ, а между русскими совершенныхъ дураковъ не много, то онъ можетъ блаженствовать въ своемъ быту, даже хоть онъ и помѣщичій. Ему и блажь въ голову нейдетъ, потому что блажить некогда. Лѣтомъ обрабатываетъ онъ землю, зимою на сторонѣ добываетъ копейку и куда бы ни пошелъ, вездѣ спокоенъ, потому

что у него есть уголъ и семья, и всѣ его чувства и мысли стремятся подъ родной кровъ, гдѣ живетъ все, что ему мило и дорого, гдѣ его всегда примутъ съ радостію и любовію.—Дай ему свободу, онъ сначала и обрадуется, но потомъ, что выйдетъ: или помѣщикъ его прогонитъ или онъ самъ, потерявъ голову отъ магическаго слова «Свобода», захочетъ попытаться счастія въ другомъ мѣстѣ; пойдетъ шататься по городамъ, гдѣ потеряетъ свою святую, деревенскую нравственность,—и погибнетъ, и сдѣлается то же, что французъ. Человѣкъ рѣдко предвидитъ свое будущее;—вотъ свободный народъ и дойдетъ до того, что, искавши лучшаго, останется безъ кола и двора, какъ иностранный работникъ. Что же выйдетъ изъ этого? Всѣ нахлынутъ въ города да на фабрики; сперва, можетъ-быть, отъ этого фабрикамъ и будетъ выгодно, но земли будетъ обрабатывать некому,—а какъ большая ея часть пролежитъ въ пустѣ, тогда, разумѣется, и на фабрикахъ будетъ ѣсть нечего. Между тѣмъ работникъ, который оставилъ свой крестьянскій бытъ, не въ состояніи жениться и содержать жену и дѣтей; оттого онъ живетъ холостымъ и живетъ беззаконно, отчего исчезаетъ нравственность во всей массѣ народа. Отъ безнравственности до безбожія одинъ только шагъ. Тутъ дѣлается всему голова собственный эгоизмъ; хочу ѣсть становится первымъ закономъ; а чтобы можно было поѣсть, хоть весь міръ долой! Таковы постепенныя причины французскихъ и европейскихъ безпорядковъ, и если Россія цѣла, такъ именно потому, что она не свободна.

Если бы можно сначала образовать народъ, привить къ нему чувство чести и строгихъ обязанностей, и сдѣлать,не скажу изъ звѣря, но изъ получеловѣка сдѣлать человѣка, а потомъ дать ему свободу, это было бы дѣло другое; но дай крестьянину, какъ онъ есть, свободу, у него сейчасъ явятся разныя затѣи. Онъ сейчасъ броситъ свой родной кровъ и пойдетъ шататься. Вотъ теплое его гнѣздышко и разорилось. Сына станетъ учить грамотѣ, а тотъ выучится и станетъ развращать свои понятія чтеніемъ гадкой нынѣшней литературы. Журналы собьютъ его съ толку, а повѣсти и романы сведутъ совсѣмъ съ ума! Вотъ онъ станетъ судить и рядить; тутъ явится честолюбіе, надо быть чѣмъ-нибудь повыше,—когда же тутъ землю пахать! Въ этомъ туманѣ умретъ съ голоду и мать, и сестра также.—Жены ему не надо, это обуза, а съ его высшими взглядами онъ обузы не хочетъ. Онъ считаетъ себя просвѣщеннымъ, потому что бросилъ лапти и сѣрый кафтанъ, да умѣетъ читать вѣчнаго жида и газеты; а между тѣмъ не чувствуетъ, что онъ не просвѣщается, а развращается, потому что истинное просвѣщеніе основано на страхѣ и законѣ Божіимъ, а не на тонкомъ сукнѣ и лаковыхъ сапогахъ.—Когда человѣкъ чувствуетъ какъ должно, онъ судитъ какъ должно; когда же чувства обратились въ чувственность, тогда вмѣсто разсудка поселяется въ головѣ одинъ чистый

бредъ.—Французы и всѣ европейцы оттого и дошли до настоящаго своего положенія, что никто не хочетъ жить по-христіански, т.-е. имѣть старшихъ и исполнять свои обязанности. Исполняйте свои обязанности, и права ваши придутъ къ вамъ сами собою!—Нѣтъ, говорятъ они, дай мнѣ мои права, а объ обязанностяхъ подумаемъ послѣ!—Наша русская образованная молодежь также начинаетъ судить навыворотъ, потому что читаетъ одни только романы, и я бы, на мѣстѣ государя, другого наказанія не наложилъ на нихъ, какъ выслалъ бы ихъ за границу, въ землю просвѣщенія и свободы; пусть бы тамъ любовались своими единомышленниками. Я увѣренъ, что скоро пропала бы у нихъ охота толковать пустяки и они не замедлили бы удостовѣрится, что нѣтъ земли святѣе и блаженнѣе земли русской, гдѣ все, отъ царя до мужика, на своемъ мѣстѣ, слѣдовательно все въ порядкѣ; а ежели что и не совсѣмъ ладно, ежели есть и у насъ ржавчины, такъ это только потому, что нѣтъ нигдѣ совершенства.

Нѣтъ, не троньте нашего мужичка, а только подумайте объ томъ, чтобы помѣщики съ ними были милостивы. Пусть помѣщики подражаютъ Зиновьеву [1]), тогда мужичекъ нашъ будетъ и свободенъ и счастливъ. Какъ прочтешь въ журналахъ и газетахъ, что дѣлается въ Европѣ, и особенно во Франціи, то, право, все это кажется такъ непостижимо, что можно принять все напечатанное за выдумку и сказки! — У нихъ тамъ и климатъ, и изобиліе, и просвѣщеніе, и усовершенствованныя теоріи, и улучшенная администрація, и великолѣпныя машины, искусства процвѣтаютъ, агрономія достигаетъ неслыханныхъ успѣховъ, и чего, чего тамъ нѣтъ! У насъ же все худо; и дураки мы, и не умѣетъ никто изъ насъ ни хлѣба сѣять, ни даже ѣсть его; и все у насъ въ ребячествѣ, и все дѣлается дурно; и медвѣди-то мы, и раболѣпные невольники, и хуже насъ нѣтъ существъ на свѣтѣ! а какъ посмотришь на повѣрку: въ нашей медвѣжьей берлогѣ порядокъ, послушаніе, любовь къ государю, любовь другъ къ другу, (ну это, можетъ-быть, и не совсѣмъ) любовь къ своимъ обязанностямъ! А у нихъ, въ просвѣщенныхъ, усовершенствованныхъ странахъ, голодъ, непокорность, ненависть, барикады, междоусобія, всѣ бѣдствія, всѣ гибельныя страсти, которыя ведутъ въ адъ и изъ ада исходятъ!

Неужели и теперь наша умная молодежь не образумится и не перестанетъ слѣпотствовать въ отношеніи къ своему отечеству и чужимъ краямъ? Есть и у насъ худое, безъ этого нельзя. Но ужъ ежели можно жить счастливо гдѣ-нибудь, такъ это, конечно, въ

---

[1]) Вѣроятно Мих. Ник. Зиновьевъ, орловскій помѣщикъ, напечатавшій переводъ «Осьмой сатиры Буало». (М. 1822). *Геннади* «Справочный словарь о русскихъ писателяхъ» т. II, Берл., 1880 г., стр. 33. Ср. о немъ кн. *И. М. Долгоруковъ* «Капище моего сердца», приложеніе къ «Русскому Архиву», 1870 г. стр. 120. *Ред.*

Россіи. Это зависитъ отъ себя; только не тронь никого, исполняй свои обязанности и тогда нигдѣ не найдешь такой свободы, какъ у насъ и проведешь жизнь свою, какъ въ Царствѣ Небесномъ. Такія разсужденія, конечно, нашимъ журналистамъ, нашимъ передовымъ людямъ не по нутру, — вѣрю; но дайте же и мнѣ свободу, по крайней мѣрѣ, думать, какъ мнѣ хочется и какъ мнѣ кажется.

Все это доказываетъ, что просвѣщеніе тогда только истинно и приноситъ дѣйствительную пользу человѣку, и вмѣстѣ съ тѣмъ всему обществу, когда умъ и сердце просвѣщаются одинаково. Если же образовывается только умъ, а сердце заростаетъ терніемъ, тогда и просвѣщеніе ядъ, а не польза для человѣчества.—Теперь можно въ этомъ удостовѣриться, посмотрѣвъ на европейскую суматоху и бѣдственныя ея послѣдствія.— Истинное просвѣщеніе должно быть основано на религіи; тогда оно и плоды принесетъ сторицею. А когда просвѣщеніе религіи знать не хочетъ, и только опирается на дикомъ, бездушномъ эгоизмѣ, такъ и плоды будутъ адскіе, какъ начало его адское!

Читая журналы, видишь лихорадочное положеніе Франціи. Банкиры разорены, или заблаговременно отказываются отъ своихъ занятій и запираютъ конторы, чтобы не обанкрутиться. Затрудненія всякаго рода встрѣчаютъ всѣ сословія на каждомъ шагу; и между тѣмъ, въ то самое время, когда хозяева разныхъ заведеній распускаютъ своихъ работниковъ, за неимѣніемъ работы, эти работники собираются массами, чтобы истребовать себѣ прибавки жалованія и уменьшенія рабочихъ часовъ. Обманъ и невѣжество властвуютъ среди толпы и усиливаютъ ея бѣдствія;—несбыточныя теоріи наполняютъ всѣ умы, какъ бы для окончательнаго разрушенія всякаго общественнаго порядка; и между тѣмъ, какъ весьма любезные и умные писатели проповѣдываютъ розовыя идеи покойника Руссо о всеобщей любви и всеобщемъ братствѣ,—что дѣлаетъ народъ, къ которому они обращаютъ свою проповѣдь о чистѣйшей филантропіи? Полный зависти къ тѣмъ людямъ, которые его достойнѣе, этотъ народъ старается отнять у нихъ насильно хлѣбъ насущный, и хочетъ уморить съ голоду тѣхъ, кто его трудолюбивѣе. Негодяй и лѣнивецъ требуетъ той же платы, какую получаетъ неутомимый труженикъ. И какое отвратительное притворство утверждать, что братство и любовь къ человѣчеству составляютъ правило такого народа, который не можетъ понять самого простого условія въ общежитіи: пользоваться жизнью и другимъ не мѣшать! Для этого не нужно братства, а только одной простой честности.—Дѣло въ томъ, что французское общество состоитъ изъ двухъ крайностей и потому его оконечности слишкомъ удалены другъ отъ друга. Съ одной стороны черезчуръ много умственной утонченности, съ другой преобладаетъ дикое, необузданное невѣжество. Книгопечатаніе во Франціи слишкомъ недостойно назваться наставникомъ

общества; оно только движетъ партіями и возстановляетъ ихъ одну противъ другой, не дѣлая ихъ ни умнѣе, ни разсудительнѣе. Насыпьте всѣмъ имъ золота, они станутъ цѣловать ваши ноги; постарайтесь доказать имъ ваше нравственное преимущество, ваше трудолюбіе, дайте имъ даже собою примѣръ порядка и добрыхъ качествъ, они перерѣжутъ вамъ горло. Этотъ народъ не можетъ сносить чужого превосходства. Въ безумствѣ, которое приведетъ ихъ къ погибели, рабочіе классы вообразили, что правительство можетъ доставлять имъ постоянную работу и постоянное содержаніе. Послѣдствія такого ожиданія ужасны. Занятія и работы остановились, и между тѣмъ какъ всѣ ссорятся о жалованіи за труды свои, самая надобность въ этомъ трудѣ исчезаетъ, оставляя вмѣсто себя всѣ ужасы голода и отчаянія. И это наши умники называютъ просвѣщеніемъ, свободою! И этого-то равенства, этого-то счастія желаютъ они нашей спокойной Россіи! фи,—даже досадно.

Французы сами смѣются надъ коммунизмомъ. Полишинель проповѣдуетъ и обѣщаетъ равенство съ тѣмъ уговоромъ, чтобы всѣ были одинаковаго возраста и пола! Всѣ эти господа Луи-Бланы, Фурье, Консидераны, ни что болѣе, какъ полишинели.—Равенство! да возможная ли это вещь? Вѣдь люди разнаго возраста и пола, ужъ отъ одного этого не можетъ быть равенства между ними. Мужчина сильнѣе женщины, взрослый сильнѣе ребенка, и какъ отношенія, такъ и потребности тѣхъ и другихъ должны быть различны,—слѣдовательно, какому же тутъ быть равенству!

Слава Богу, что у насъ все спокойно; мы слишкомъ умны, чтобъ подражать этимъ взбалмошнымъ головамъ; а кто думаетъ и чувствуетъ по-ихнему, такъ тѣхъ туда бы и отослать,—пусть любуются! Не впускать бы въ Россію ни одного иностранца—вотъ и все тутъ; да та бѣда, что этого сдѣлать невозможно. Пока у русскаго мужичка есть изба и своя полоса въ полѣ; пока у него есть образъ на стѣнѣ и онъ умѣетъ творить крестное знаменіе; пока онъ называется крестьяниномъ, что значитъ не иное что, какъ христіанинъ, за Россію опасаться нечего. Пускай себѣ пишутъ въ иностранныхъ газетахъ, что Россія скоро распадется, что въ Россіи нѣтъ народности, что она страдаетъ подъ желѣзнымъ игомъ, и тому подобныя бредни,—всѣ эти нелѣпости только смѣшны, когда посмотришь, что дѣлается у нихъ и какъ спокойно у насъ. Мы живемъ и судимъ просто, оттого и хорошо; не мудримъ, а всякій старается, по крайнему своему разумѣнію, исполнять свои обязанности, отъ того и идетъ все своимъ порядкомъ. Порядокъ въ мысляхъ, порядокъ въ поступкахъ. Мы знаемъ, что нѣсть власть, иже не отъ Бога; знаемъ, что лучше имѣть одного владыку, чѣмъ имѣть ихъ двѣсти тысячъ; что лучше покоряться законному, могучему

властителю, который силенъ и защититъ насъ, чѣмъ повиноваться буйной, необразованной черни, которая умѣетъ только жечь да грабить. Знаемъ, что совершенства нѣтъ на землѣ. Какая же намъ надобность прививать къ себѣ образъ мыслей чужихъ земель и дѣйствовать, какъ они дѣйствуютъ. Пусть они себѣ хоть сквозь землю провалятся,—оно было бы даже и лучше,—лишь бы Россія была цѣла. Чѣмъ проще народъ, тѣмъ онъ дѣльнѣе. Пусть наши мужички грамотѣ не знаютъ,—да много ли французскихъ и нѣмецкихъ мужиковъ знающихъ грамоту? Не зная грамоты, они ведутъ жизнь трудолюбивую и полезную; ихъ воображеніе не воспламеняется чтеніемъ журналовъ и всякой грязной литературы, возбуждающей самыя скверныя страсти. Они постоянно читаютъ величественную книгу природы, въ которой Богъ начерталъ такія дивныя вещи,—съ нихъ этого довольно! Оттого они тихи, добры, кротки и послушны, что съ малолѣтства знаютъ все, что истинно надо знать человѣку. Наши умники не знаютъ русскаго народа, а чѣмъ ближе узнаешь его, тѣмъ болѣе удивляешься его патріархальной простотѣ, врожденному уму, высокому разсудку и глубокой покорности. Это неисчерпаемый золотой родникъ, за который только надо умѣть приняться и онъ сторицею вознаградитъ за всѣ труды и усилія. Одно доброе слово дѣлаетъ чудеса. Нашъ мужичокъ отъ природы и простоты своего сердца всегда благодаренъ за малѣйшее къ нему вниманіе; въ немъ много природнаго ума и удивительной логики; мысли его ясны, чувства правильны, рѣчь его не красна, но понятна и всегда чрезвычайно дѣльна. Онъ не теряетъ золотого времени на то, чтобы ходить по улицамъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами, не пересаживаетъ деревья съ мѣста на мѣсто, называя ихъ древами свободы! не проводитъ жизни въ пустыхъ преніяхъ въ клубахъ, или въ такомъ же пустомъ и еще болѣе вредномъ чтеніи самыхъ дурацкихъ афишъ на всякомъ перекресткѣ, а живетъ мирно, обрабатываетъ свое поле и благодаритъ Бога за свой насущный кусокъ хлѣба. Не троньте этотъ народъ, оставьте его въ патріархальной простотѣ и во всемъ природномъ его величіи; а ежели вздумаете прививать къ нему западныя идеи, да начнете мудрить,—худо будетъ!

Я думаю, какъ государю должно быть весело, что въ такой сумятицѣ и общей европейской сумасбродной безтолковщинѣ русскій народъ ведетъ себя такъ прекрасно! Сердце радуется и ростетъ отъ гордости, какъ сравнишь русскихъ съ негодными иностранцами. Вотъ хваленыя ихъ хартіи, да конституціи, да представительныя правленія! До чего все это довело этихъ бѣшеныхъ европейцевъ? Они свободны, а мы въ неволѣ; однакоже, кому изъ насъ лучше? Мнѣ кажется этотъ величественный видъ спокойствія Россіи дол-

женъ очень утѣшать государя и бѣсить Европу и нашихъ передовыхъ людей.

Многіе упрямые русскіе жалуются на просвѣщеніе и говорятъ: Вотъ до чего доводитъ оно! — Я съ ними не согласенъ. Тутъ не просвѣщеніе виновато, а недостатокъ истиннаго просвѣщенія. Покойные графъ Бенкендорфъ, графъ Канкринъ, живые графъ Орловъ, графъ Киселевъ, графъ Блудовъ, графъ Адлербергъ, люди очень просвѣщенные, а развѣ просвѣщеніе сдѣлало ихъ худыми людьми? Напротивъ, оно развило въ нихъ всѣ прекрасныя сѣмена, посѣянныя въ нихъ природою. — Не просвѣщеніе виновато, а кривыя о немъ понятія. — Просвѣщеніе должно состоять въ познаніи и исполненіи своихъ обязанностей; въ развитіи добрыхъ склонностей; въ присвоеніи себѣ самыхъ высокихъ мыслей и самыхъ благородныхъ правилъ всѣхъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ людей всѣхъ вѣковъ; въ умѣніи размышлять и владѣть собою. Такая цѣль всегда будутъ доступна, ежели сердце обрабатывается въ то же время, какъ просвѣщается умъ и если умственныя познанія основываются на привязанности къ Богу.

Графиня А. А. Орлова-Чесменская скончалась. Жаль, что она такъ распорядилась своимъ имѣніемъ [1]). Конечно, все это имущество принадлежало ей и она была властна оставить его послѣ себя кому угодно; но жаль, что ей угодно было разсыпать свое богатство на самую безполезную и недостойную часть русскаго народонаселенія! — Но зачѣмъ осуждать усопшихъ. Ея было состояніе, ея и воля.—

Каковы журналисты! печатаютъ, что нашъ государь, чтобы унять бунтъ на Невскомъ проспектѣ, ускакалъ въ Петергофъ!— Кажется заграничнымъ мудрецамъ очень тяжело на насъ смотрѣть. Сатана на образа смотрѣть не можетъ, — такъ и для нихъ Россія. — Они съ ума сходятъ отъ нашего спокойствія; нельзя насъ взбунтовать, такъ давай клеветать! — Нечего сказать, хороша Европа,— точно гнилое яблоко! Только та бѣда, что яблоко выбросишь въ окошко, а ихъ хоть бы всѣхъ въ море бросить,—да нельзя!

Несмотря на общій голосъ, выбравшій Людовика Наполеона въ президенты, уже печатаютъ противъ него статьи въ журналахъ и говорятъ, что надо его отдать подъ судъ за то, что надѣлъ генеральскіе эполеты! [2]) Всему этому виною блажной нравъ французовъ, ихъ безтолковый характеръ, непостижимая вѣтренность

---

[1]) Завѣщала Антоніевскому монастырю.

[2]) Дивизіоннаго генерала въ первый разъ на смотру въ Сатори.

и глупая самонадѣянность; ихъ буйные нравы, безграничная невоздержность мнѣній, языка и поступковъ, ихъ страсть заводить безконечныя партіи. Конечно, при такомъ направленіи умовъ, свобода книгопечатанія прибавляетъ еще болѣе вреда, — это огонь къ пороху, — но и безъ того было бы то же. Надо знать французскую исторію, и тогда удостовѣришься, что они всегда буйствовали и блажили, когда у нихъ не только не было журналовъ и свободы книгопечатанія, но когда они еще едва и писать умѣли. Ихъ полководцы не умѣли подписывать своего имени, а уже были предводителями партій въ междуусобныхъ войнахъ противъ короля. Конечно у нихъ, что далѣе, то хуже; но этому причиной общая безнравственность, общій духъ безначалія болѣе, чѣмъ книгопечатаніе. Хорошій человѣкъ не станетъ читать худыхъ книгъ, порочнаго и безнравственнаго листка и въ руки не возьметъ; а дурному человѣку никакая цензура не помѣшаетъ доставать худыя книги. Запрещеніе, напротивъ, еще болѣе раздражаетъ любопытство и заставляетъ прочесть какую-нибудь скверность.

Въ Англіи нѣтъ цензуры, или есть самая слабая. Въ Бельгіи тоже, а тамъ никто не думаетъ свергать съ престола королей.

У насъ свобода книгопечатанія была бы вещь опасная, потому что у насъ молодежь очень буйная, и головокруженія и безъ того довольно; привычка судить криво все болѣе и болѣе усиливается отъ того, что у нихъ и души, и толкъ вверхъ дномъ.

Не говорю я, чтобъ неограниченная свобода книгопечатанія не имѣла дурныхъ послѣдствій, но увѣренъ, что не одно книгопечатаніе порождаетъ смуты и безпорядки нашего времени. Воспитаніе порождаетъ смуты и безпорядки нашего времени. Воспитаніе, худое направленіе мыслей, привычка считать себя умнѣе другихъ, вотъ настоящія причины неустройствъ. Съ такими пороками хоть не было бы ни книгъ, ни журналовъ, все было бы то же. Во Франціи, Германіи и Италіи суматоха произошла не столько отъ возмутительныхъ письменъ, сколько отъ излишней свободы, отъ буйства и отъ голода. Мудрено ли, что бунтуютъ милліоны людей, когда имъ ѣсть нечего? Голодъ не свой братъ, онъ разсуждать не умѣетъ. Вѣдь тамъ нѣтъ крестьянъ, все народонаселеніе состоитъ изъ работниковъ, у которыхъ нѣтъ своего клочка земли. Ужъ сколько лѣтъ эта хваленая, заграничная, безземельная свобода, висѣла какъ туча надъ западною Европою, и, наконецъ, разразилась, какъ давно скопившаяся гроза. Голодный желудокъ и безъ журналовъ раскричаться умѣетъ.—

Вотъ и у насъ все проповѣдывали свободу;—пресловутый Анненковъ [1]) уже придумывалъ премудрыя средства, какъ бы уничтожить

---

[1]) Впослѣдствіи Государственный Контролеръ и въ 1863 г. кіевскій ген.-губернаторъ.

чины, какъ бы устроить, чтобы вышедшій въ отставку министръ былъ равенъ сапожнику! — и чуть-чуть было не совершилась эта страшная мѣра, которая лѣтъ черезъ десятокъ, а много черезъ двадцать, произвела бы и въ Россіи то же самое, что теперь видимъ на Западѣ. Но, къ счастью нашему, Западъ уже слишкомъ взбѣсился, — и это открыло глаза государю и остановило начертаніе устава о равенствѣ. — Богъ насъ помиловалъ.

Коммунисты искажаютъ все, въ бреду своей безтолковой горячки; но мысль, что все должно принадлежать всѣмъ поровну, начертана изъ Евангелія. Такъ дѣлалось у апостоловъ, такъ было между первыми христіанами, такое положеніе существуетъ и теперь въ монастыряхъ, и всякихъ религіозныхъ общинахъ, русскихъ, католическихъ, лютеранскихъ и другихъ, которыя начало свое берутъ отъ Евангелія. Но предписывая равенство между братьями, то есть людьми равнаго званія, Евангеліе говоритъ: воздай Кесареви Кесарево, — и никто не былъ послушнѣе властямъ, даже языческимъ, какъ первые христіане, хотя языческія власти гнали ихъ, жгли и мучили.

Предписывая равенство и братство, опредѣляя равную долю всѣмъ между собою, Евангеліе вмѣстѣ съ тѣмъ предписываетъ и внушаетъ всѣ добродѣтели, которыя дѣлаютъ человѣка совершеннымъ и уподобляютъ его божеству. — Вотъ это-то коммунисты и не примѣтили въ Евангеліи, какъ Анненковъ, который такъ свирѣпо бросился составлять положеніе объ уничтоженіи чиновъ. О Махіавели, Махіавели! — Они провозглашаютъ только равенство состояній, а то забыли, что при этомъ равенствѣ должны существовать и всѣ христіанскія добродѣтели, которыя не допустятъ ни одного человѣка, ни цѣлаго общества до худыхъ поступковъ.— Евангеліе требуетъ, чтобы люди были какъ ангелы, чисты, свободны, дружны, равны между собою, но покорны верховному властителю, Господу Богу, и представителямъ Его на землѣ. Коммунисты же выбираютъ изъ Евангелія только то, что имъ нравится, а всего того, что потруднѣе и имъ не по вкусу, того и знать не хотятъ. — Евангеліе гласитъ: исполняй свои обязанности къ Богу и людямъ, и будешь счастливъ! Коммунисты же говорятъ: исполняй только свою волю, а до другихъ тебѣ дѣла нѣтъ! — Коммунисты просто секта, какъ были Аріане, Манихеи, Евтихіане и многіе другіе безмозглые нововводители, которые въ среднихъ вѣкахъ, не хуже теперешняго, мутили весь міръ, хотя тогда не только журналовъ, но и книгопечатанія еще не знали!

Всей Европейской сумятицѣ причиною безсмысленность ея жителей и происходящій отъ того повсемѣстный голодъ. Къ тому худое устройство ихъ правительствъ, которыя отъ ихъ представи-

тельной системы слишкомъ слабы, чтобы унять бунтующія страсти и волненіе умовъ. Конечно при такомъ положеніи дѣлъ свобода книгопечатанія усиливаетъ зло; но закрой у насъ всѣ типографіи, отними у нихъ перья и бумагу, отрѣжь имъ даже языки, они выдумаютъ какую-нибудь мимику и все таки будутъ распространять свои вредныя и блажныя понятія вездѣ, гдѣ только станутъ принимать ихъ.

Замѣтьте и у насъ, кто блажитъ и кричитъ наиболѣе, какъ не тѣ, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора! Бездомные люди всегда самые большіе крикуны, такъ какъ же не кричать всей Европѣ, когда тамъ всѣ праздношатающіеся, всѣ безъ домовъ, безъ земли, безъ угла, гдѣ голову приклонить!—Подкопайте наше самодержавіе, или пусть оно, новыми выдумками, само себя подкопаетъ, — и увидите, что въ короткое время у насъ будетъ то же, что въ этой хваленой Европѣ. Всякій захочетъ, чтобы ничего не дѣлать и чтобы къ нему летѣли въ ротъ жаренные рябчики.

Теперь же все тихо у насъ, потому что образъ правленія нашего самый настоящій, сходный съ природою, сходный съ потребностями человѣка благомыслящаго. Наше правленіе стоитъ на самой серединѣ между кровавымъ деспотизмомъ восточныхъ государствъ и буйнымъ безначаліемъ западныхъ народовъ. Оно самое отеческое, патріархальное, и потому Россія велика и спокойна. Частные случаи ничего не значатъ; возьмите общую физіогномію государства: довольство, миръ, тишина, трудолюбіе. Въ Россіи кто несчастливъ? только тунеядецъ и тотъ, кто своеволенъ. Перемѣни у насъ, Боже сохрани, не только образъ правленія, но коснись только хоть нѣкоторыхъ постановленій, составляющихъ опору Государства, — исчезнетъ порядокъ, исчезнетъ тишина, исчезнетъ личная безопасность и самые безмятежные люди сдѣлаются бунтовщиками, потому что всѣ будутъ недовольны. Одни потеряютъ много, другіе выиграютъ мало, и въ такомъ случаѣ, гдѣ всѣ недовольны, никакая строгая цензура не поможетъ, а гдѣ нѣтъ причины быть недовольнымъ, тамъ никакой Луи-Бланъ не взбунтуетъ, хоть испиши онъ всѣ перья и испечатай всѣ типографическія литеры цѣлаго міра.

Ниспровергни у насъ существующій порядокъ, — посмотри, что будетъ! Если бы крестьяне и сдѣлались свободны, они получили бы свободу безъ земли, потому что ни одинъ помѣщикъ своей земли не отдастъ добровольно, а правительство наше слишкомъ правосудно, чтобы отнять у насъ нашу собственность и лишить насъ послѣдняго куска хлѣба; — насильно не отыметъ оно у насъ землю, которую мы наслѣдовали отъ нашихъ предковъ. И чтожъ бы вышло? Крестьяне наши, сдѣлавшись вольными, но не имѣя земли, пустились бы пріискивать себѣ родъ жизни и пропитанія по городамъ, деревни опустѣли бы, какъ во Франціи и Германіи,—

и пошла потѣха! ибо въ городахъ такое чудовищное стеченіе голодныхъ желудковъ надѣлало бы тѣхъ же бѣдъ, какія происходятъ въ западной Европѣ. Голодный желудокъ раскричится пуще всякаго журнала; онъ и безъ Луи-Блана золъ на все и на всѣхъ, потому что другіе сыты, а онъ ѣсть хочетъ.

Мнѣ кажется, что Россія держится именно своею помѣщичьею организаціею; что это польза государственная въ высшей степени. На каждомъ пунктѣ, гдѣ есть помѣщикъ, у государя есть тамъ неослабный блюститель порядка и выгодъ отечественныхъ, и это такой слуга государства, который не требуетъ ни жалованья, ни наградъ, а еще самъ приноситъ обществу и казнѣ дань своихъ трудовъ, какъ уплатою различныхъ повинностей, такъ и тѣмъ, что вливаетъ въ общественную торговлю несмѣтное количество зеренъ, питающихъ наше отечество и служащихъ для его обогащенія.— Смотрите, какой вездѣ голодъ! Франція, Германія, Италія, даже самая богатая Англія, всѣ умираютъ съ голоду. У насъ же столько хлѣба, что мы и сами сыты и въ состояніи продать массы хлѣбныхъ зеренъ иностранцамъ. Не будь помѣщичьихъ имѣній въ Россіи, много ли бы сами крестьяне наготовили хлѣба? И теперь мы видимъ что вольные крестьяне, если и торгуютъ хлѣбомъ, то не своимъ, скупаютъ его у помѣщиковъ.

Итакъ, я увѣренъ, что наша Россія велика, сильна и богата отъ того: 1-е) что въ ней государь самодержавный. 2-е) что въ ней есть помѣщикъ, съ властію надъ крестьянами и 3-е) отъ того, что есть въ ней крестьянинъ, который кормитъ и себя, и помѣщика, и горожанина, и купца, и солдата, и вельможу, и самого государя.

Вольный крестьянинъ рѣдко обрабатываетъ свою землю; онъ пускается въ торги, въ извозъ, въ разныя спекуляціи, его тянетъ туда, гдѣ есть трактиръ, чтобы выпить галинокъ чаю, чтобы поврать, а землю свою обработывать нанимаетъ помѣщичьихъ крестьянъ. Сдѣлайся же помѣщичій крестьянинъ вольнымъ, и онъ также не захочетъ обрабатывать землю, ни свою, ни чужую, — и о хлѣбѣ тогда поминай, какъ звали! Примѣръ западныхъ государствъ не доказываетъ ли, что свобода разоряетъ народы? Они всѣ свободны и въ нищетѣ страшной, отвратительной, возмущающей человѣческія чувства;—нашъ народъ не освобожденъ, а у насъ нѣтъ такой нищеты, какъ на западѣ. Они живутъ, какъ скоты, на улицахъ, подъ землею, а наши въ избѣ и на столѣ каравай; — слѣдовательно, не счастливѣе ли нашъ народъ народовъ свободныхъ?

Это разсужденіе ведетъ все таки къ книгопечатанію. Сдѣлай нашихъ крестьянъ свободными, никакая цензура не остановитъ тотъ вредъ, который сдѣланъ будетъ самимъ государемъ. Какъ скоро буйство свободы одолѣетъ народомъ, тогда и цензура полетитъ къ чорту.

Пусть государь не думаетъ, что давъ свободу крестьянамъ, не нужно будетъ, болѣе или менѣе, измѣнить образъ нашего пра-

вленія; а малѣйшее измѣненіе сдѣлаетъ въ престолѣ щели и подкопаетъ его; тогда и безъ журналовъ, и не умѣя ихъ даже читать, русскій народъ, черезъ полвѣка, провалится въ ту же пропасть, въ которой теперь барахтаются свободные Европейскіе народы.

Въ среднихъ вѣкахъ не было журналовъ, ни возмутительныхъ сочиненій; никто не умѣлъ подписывать своего имени, а загляните въ исторію, какія смуты покрывали всю Европу. — Точно также, какъ и теперь, флегматическіе нѣмцы дрались между собою и разорялись на пропалую то за религію, то за Лютера, то за римскаго папу, то за пятерыхъ вдругъ избранныхъ ими на царство государей. То давай имъ хартію, то не надо хартіи; то имъ нужна золотая булла, то ее не надо, — и кровь лилась рѣками всегда и вездѣ, гдѣ народъ былъ свободенъ. Франція, Италія, Германія, даже самая Англія, рѣдкіе 50 лѣтъ не была обагрена кровью междуусобной войны. Правда, что тогда многіе дрались за государей; одинъ хотѣлъ того, другой другого; а теперь дерутся только изъ того, чтобъ не было государей.—Пусть не будетъ государей, увидимъ, что лѣтъ черезъ 20 станутъ опять драться и кричать, чтобъ были государи, что они необходимы, какъ кучеръ на козлахъ, какъ руль къ кораблю, — что и правда, для блага и спокойствія народовъ.

Война за Государей, за республику, за религію, за мнѣнія политическія и религіозныя, за свободу книгопечатанія, — все это одни предлоги, которымъ не будетъ конца, пока страсти бунтуютъ въ человѣкѣ и онъ удаляется отъ здраваго смысла и отъ истинной религіи. Все состоитъ въ томъ, что человѣкъ, не обузданный хорошими правилами, всегда будетъ блажить, всегда будетъ недоволенъ и всегда перемѣна, самая безполезная, будетъ казаться ему улучшеніемъ его быта, — не разсуждая о томъ и не понимая въ слѣпотѣ своей, что все его счастіе, все его благосостояніе зависитъ отъ него самого; — что ни война, ни крикъ, ни національныя собранія, ни президенты республикъ, ни центральныя правленія въ Франкфуртѣ, не обезпечатъ его спокойствія, пока онъ самъ не уймется. — Нашъ народъ отъ того уменъ, что тихъ, а тихъ отъ того, что не свободенъ. — Но тутъ однако же надо сказать, что ежели крестьянамъ не должно давать свободы, то не должно, чтобы помѣщики и угнетали ихъ; — такихъ помѣщиковъ въ Сибирь! — Слава Богу, ихъ не много. Все новое поколѣніе преисполнено лучшихъ мыслей и бытъ крестьянъ улучшается, и когда помѣщикъ любитъ и бережетъ ихъ, то жизнь ихъ лучше свободныхъ; — они сами это говорятъ.

Помѣщикъ самый надежный оплотъ государя. Никакое войско не замѣнитъ той бдительности, того вліянія, какія помѣщикъ ежеминутно распространяетъ въ своемъ имѣніи. Уничтожь эту власть, народъ напретъ и нахлынетъ со временемъ на самого царя,

какъ то было не разъ въ чужихъ краяхъ. Помѣщикъ есть самый вѣрный, недремлющій песъ, охраняющій государство; онъ есть природный исправникъ, которому привычка, обычай и самыя старинныя преданія придаютъ столько власти, что она покажется баснословною на западѣ Европы. Дѣло только въ томъ, чтобы эту власть не употреблять во зло, — ну, а это ужъ дѣло правительства.

Конечно мое мнѣніе не многого значитъ, но кто знаетъ, въ добрый часъ и оно можетъ подѣйствовать.

Я помню, какъ въ 1845-мъ [1]) году всѣ кричали о необходимости дать свободу крестьянамъ; подавали объ этомъ проекты, разсужденія. Я находилъ ихъ мнѣніе ложнымъ. Я не разъ говорилъ: Посмотрите, чѣмъ кончится ваша хваленая народная свобода за границей! Увидите, что не много пройдетъ времени и тамъ опять будетъ революція, потому что тамъ народъ совершенно несчастнѣе нашего, даромъ что свободенъ; ихъ свобода ведетъ только къ нищетѣ и безначалію! И чтожъ, — много ли съ тѣхъ поръ прошло времени, а въ февралѣ 1848-го года, спустя только одинъ годъ, мои слова обратились въ пророчество!

Неужели и теперь не увидятъ справедливость старинныхъ сужденій? Но врядъ ли! — въ городской суматохѣ нѣтъ времени опомниться и, быть можетъ, что не только наши дѣти, но и самъ государь, подъ внушеніемъ Его окружающихъ, все еще будутъ опутаны мыслію о свободѣ народной.

Вотъ и у насъ заговоръ! [2])—Слава Богу, что во время открыли. — Надивиться нельзя, что есть такіе безмозглые люди, которымъ нравятся заграничные безпорядки! На мѣстѣ государя, я бы всѣхъ этихъ умниковъ туда бы и послалъ, къ ихъ единомышленникамъ; пусть бы они полюбовались; чѣмъ съ ними возиться и строгостью раздражать ихъ семейства и друзей, при томъ тратиться на ихъ содержаніе. Всего бы лучше и проще, выслать ихъ за границу. Пусть ихъ тамъ пируютъ съ такими же дураками, какъ они сами. Право такое наказаніе выгнало бы всякую дурь и у нихъ, и у всѣхъ, кто похожъ на нихъ. А то крѣпость и Сибирь, — сколько ни употребляютъ эти средства, все никого не исправляютъ; только станутъ на этихъ людей смотрѣть, какъ на жертвы, станутъ сожалѣть объ нихъ, а отъ сожалѣнія до подражанія недалеко.— Выслать бы ихъ изъ Россіи, какъ людей, недостойныхъ жить въ своемъ отечествѣ, какъ язву и чуму, къ которой прикасаться опасно. Такія мѣры принесли бы чудесные плоды; — впрочемъ не мнѣ судить объ этомъ.

---

[1]) 1847? *Ред.*

[2]) Дѣло Петрашевскаго.

Вотъ и тутъ не мое дѣло судить, а жаль, что Государь вступается за австрійцевъ. Тутъ не надо смотрѣть на толпу венгерскихъ мятежниковъ, а на всю Европу; такъ какъ же одной Россіи справиться съ цѣлою Европою? — Русскій Царь великъ у себя; силенъ обширностію своихъ владѣній, преданностію и любовію своихъ подданныхъ; но за границей Его вліяніе и власть совсѣмъ уже не то, что дома. Вѣдь онъ не можетъ приказать венгерцамъ покориться; для этого нужно войско; — оно и есть у насъ, но вѣдь оно нужно для себя и стоютъ ли поганые австрійцы, чтобъ русскіе проливали свою кровь за нихъ? Война на Кавказѣ; охраненіе границъ на такомъ необъятномъ пространствѣ; содержаніе внутреннихъ карауловъ, — да еще къ тому Европейская война! Сколько тутъ надо войска, сколько новыхъ рекрутскихъ наборовъ, а ужъ и теперь идетъ ропотъ, что за нашу преданность и любовь къ престолу и порядку, насъ же отягощаютъ рекрутскими безпрестанными и сильными наборами. Въ Манифестѣ о нынѣшнемъ наборѣ сказано, что холера опустошила войско, — да вѣдь та же холера опустошила и народонаселеніе въ Россіи. Иной уѣздъ потерялъ четвертую часть своего населенія, а рекрутъ долженъ ставить по ревизіи. Къ болѣзни столь смертоносной присоединяется отчаянная горесть рекрутчины! Болѣзнь отъ Бога, а рекрутчина для скверной, неблагодарной Австріи, которая не разъ уже насъ обманывала! Стоитъ ли эта дрянь, чтобы за нее текла драгоцѣнная русская кровь? Мы за нихъ вступаемся, а они противъ насъ дѣлали и дѣлаютъ всякія подлости. Дамъ себѣ голову отрубить, если они, при первомъ случаѣ, за нынѣшнюю имъ помощь, не отплатятъ намъ какою нибудь черною неблагодарностью. Однимъ словомъ, — стоятъ ли эти дрянные австрійцы, чтобы русскіе гибли за нихъ? — Мнѣ такъ кажется, — лишь бы у насъ, въ Россіи, было спокойно, а до другихъ какое намъ дѣло? провались они сквозь землю, — пусть себѣ возятся, какъ хотятъ.

Даже страшно, чтобъ это вмѣшательство не распространило пожара и у насъ, какъ потому, что отсутствіе Государя можетъ быть вредно для Россіи, такъ и по той причинѣ, что этотъ походъ произведетъ нѣкоторое колебаніе и толки въ народѣ, всегда опасные во времена политическихъ переворотовъ. Притомъ наши солдаты увидятъ мятежъ на мѣстѣ, — почемъ знать, не привьются ли къ нимъ мятежныя мысли! — Возвратясь домой, они станутъ сообщать свои наблюденія вправо и влѣво, станутъ толковать по своему, — и наша святая, чистая, дѣвственная Русь можетъ заразиться ядовитымъ духомъ западныхъ народовъ.

Конечно, Россія велика и сильна; Русскій Царь у себя, дома, Богъ земной! Но извѣстно, что наше народонаселеніе очень слабо въ сравненіи съ обширностію земель. На войнѣ же нужны люди, а

не земли. Не понесемъ мы на помощь безчестной Австріи степей и лѣсовъ нашихъ, а понесемъ на пролитіе кровь нашу, которой и то не много въ Россіи. Наши безлюдныя губерніи, опустошенныя холерою, опустошаются еще и рекрутскими наборами; а это еще вопросъ, можетъ ли одна русская армія сладить съ цѣлою Европой. Всѣ наши пожертвованія могутъ остаться втунѣ и эта война сдѣлаетъ Россію только еще бѣднѣе и деньгами, и людьми.

Европа не велика, въ сравненіи съ Россіею, но ея населеніе вдесятеро сильнѣе нашего, каждый житель солдатъ! а этихъ солдатовъ милліоны. Имъ нельзя будетъ не сражаться, когда театръ войны будетъ у нихъ; война сдѣлается народною, и всякій, даже и нѣмецъ, станетъ за свое родное гнѣздо, за свое пепелище.

Сначала всѣхъ этихъ смутъ всѣ радовались и восхищались, что Государь такъ величаво смотрѣлъ на этихъ уродовъ, а самъ, какъ гранитъ, не трогался съ мѣста; теперь грустятъ, что Онъ перемѣнилъ мысли и что промѣнялъ спокойствіе своего Государства на выгоды недостойной Австріи.

Старовѣры опять начинаютъ ворчать противъ просвѣщенія. Не просвѣщеніе портитъ людей, а ложное его направленіе. Истинное просвѣщеніе, какъ и все истинное, есть благодѣяніе, дарованное свыше; но въ томъ бѣда, что все можно употребить во зло. Огонь освѣщаетъ и грѣетъ, если употреблять его разсудительно; а употреби его во зло, онъ произведетъ самыя разрушительныя дѣйствія. Ножикъ можетъ служить очень полезнымъ орудіемъ, если употреблять его съ разборчивостью; тотъ же самый ножикъ можетъ зарѣзать человѣка! не виноватъ огонь, не виноватъ ножикъ, а виновата рука, дающая ему злодѣйское направленіе. Такъ и просвѣщеніе, — начало его и цѣль благодѣтельны, какъ всѣ дары Божіи. Но просвѣщеніе тогда только благодѣтельно, когда оно дитя неба. Кто же виноватъ, что люди сдѣлали изъ него исчадіе ада?

Человѣкъ, истинно просвѣщенный, знаетъ, что онъ долженъ прежде всего исполнять свои обязанности, и что права его сами собою возникнутъ и осуществятся. Вся исторія и вся нравственность цѣлаго міра состоятъ только въ слѣдующихъ двухъ словахъ: права и обязанности! Въ истинномъ ихъ значеніи и познаніи заключается вся премудрость и все благополучіе человѣческой жизни; — а въ превратномъ всѣ бѣдствія.

Человѣкъ, который твердо увѣренъ, что права его проистекаютъ отъ исполненія его обязанностей, никогда не будетъ вреднымъ членомъ общества и чѣмъ онъ просвѣщеннѣе, тѣмъ полезнѣе для своихъ собратій. Тотъ же, который требуетъ только правъ, а объ обязанностяхъ и знать не хочетъ, тотъ доказываетъ, что истиннаго просвѣщенія у него и въ поминѣ нѣтъ, хотя бы онъ говорилъ на

всѣхъ діалектахъ земного шара и прочелъ бы всѣ библіотеки и печатныя, и рукописныя. Ну, словомъ, этотъ человѣкъ ничто иное, какъ огонь, какъ ножъ въ рукахъ злодѣя.

Истинное просвѣщеніе не состоитъ въ томъ, что сколько милліоновъ словъ и фигуръ помѣщено въ мозгу человѣка, — а состоитъ въ томъ, въ какомъ порядкѣ все это помѣщено въ его головѣ; доброе ли дѣйствіе произвело на душу, разсудокъ и сердце, и принесло ли пользу въ мірѣ. Если же нѣтъ такихъ послѣдствій отъ просвѣщенія, такъ оно не истинное, а суетное, ничтожное, ложное и вредное, фиглярство, противное Богу и добрымъ людямъ.

Поэтому не просвѣщеніе виновато въ порокахъ человѣческихъ, а эти пороки заглушаютъ и искажаютъ его. — Ну, что скажутъ на это, мои любезные старовѣры?

Государь груститъ. Великій Князь Михаилъ Павловичъ скончался [1]). Конечно жаль Государя, но Михаила Павловича не жалѣютъ. Онъ, своею неумѣренною строгостью пятналъ царствованіе нашего добраго, великаго Государя, какъ бывало Графъ Аракчеевъ пятналъ царствованіе Александра благословеннаго. Въ наше время строгость не смиряетъ, а раздражаетъ людей; а человѣкъ на такой высокой степени, на какой находился Михаилъ Павловичъ, придавливая жестокою рукою всѣхъ отъ него зависѣвшихъ, былъ болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ Государству. — Богъ съ нимъ! Конечно, Государю онъ былъ братъ, и Государю нельзя не жалѣть объ немъ; поэтому и жаль, что Государево сердце безпрестанно стѣснено близкими потерями; но у него есть свое семейство, жена, дѣти, внучата; все это ему дороже Михаила Павловича, — есть кому Его утѣшить, — лишь бы эти живы были. Особенно ежели Михаила Павловича, во всѣхъ его должностяхъ, замѣнитъ наслѣдникъ, то многіе порадуются. Этотъ добръ, кротокъ, какъ долженъ быть будущій вѣнценосецъ, — тотъ былъ сердитъ и бѣшенъ, — и вѣрно всѣ заведенія и самая гвардія будутъ не хуже, а только несравненно покойнѣе и счастливѣе теперешняго.

Новый тарифъ заставляетъ всѣхъ плакать! [2]) Удивительно, что у насъ такъ мало патріотизма, что мы не можемъ обойтись безъ иностранныхъ товаровъ! Англичане не позволяютъ самой малѣйшей бездѣлицы ввозить къ себѣ чужого, зато и фабрики ихъ первыя въ мірѣ; а у насъ любятъ все чужое! И золото наше, и серебро,

[1]) Въ 1849 г.

[2]) Тутъ разумѣется 1850 г., значительно смягчившій запретительныя ставки прежнихъ тарифовъ.

все уйдетъ за границу, какъ было прежде. Надо русскую промышленность поощрять, а не разорять. Уже два раза тарифы раззорили нашихъ фабрикантовъ. А всего хуже, что все наше золото уйдетъ къ иностранцамъ и мы вдвойнѣ побѣднѣемъ, а они, съ нашими деньгами, намъ же повредятъ. Стоитъ ли изъ за какой-нибудь дюжины петербургскихъ щеголихъ давать западнымъ разбойникамъ свое же оружіе противъ себя!

Наши товары очень хороши, разумѣется, не для этихъ щеголихъ, не для этихъ государственныхъ шмелей, а для общей массы покупателей. Не нравятся они только этимъ модницамъ большого свѣта, такъ стоютъ ли онѣ, чтобы изъ-за нихъ Россія обѣднѣла; чтобъ ея промышленность пришла въ упадокъ; чтобъ съ такимъ трудомъ добываемое золото ушло къ врагамъ нашимъ для того, чтобы они богатѣли на счетъ Россіи, и ей же строили козни за ея же деньги?

Бывало при Императорѣ Александрѣ первомъ, однѣхъ лентъ ввозили въ Россію на двадцать милліоновъ. Чтожъ другого?! Тогда у насъ фабрикъ почти не было; а что завело у насъ фабрики? запрещеніе иностранныхъ товаровъ. Теперь наши фабрики очень порядочныя; не та прочность, конечно, какъ у другихъ, но и до этого достигнутъ, если бы дать время совершенствоваться, а не раззорять вдругъ всѣ фабрики ввозомъ чужихъ товаровъ.

Говорятъ, что Государь даетъ великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ приданаго милліонъ рублей серебромъ, да сверхъ того доходу слишкомъ сто тысячъ серебромъ. Вѣдь она и сама богата. Все, что принадежало покойному Михаилу Павловичу, досталось Ей; все, что имѣетъ Елена Павловна, достанется Ей же. Екатерина Михайловна должна быть богаче дочерей самого Государя, потому что онѣ имѣютъ только свои удѣлы, а Она свой удѣлъ и удѣлы отца и матери. Государь такъ щедръ, но я думаю, Ему и то трудно, долгу много!

Многіе сокрушаются, что принцъ Гессенскій Александръ женился на графинѣ Гауке! [1]) Какая же тутъ бѣда для Россіи? Вѣдь Принцъ Гессенскій не нашъ великій князь. Родъ его никогда у насъ царствовать не будетъ. Какое намъ дѣло, что иностранный принцъ женится на простой графинѣ? Они тамъ и много такъ дѣ-

---

[1]) Юлія Гауке, дочь генерала польской арміи, погибшаго въ ноябрѣ 1830 г. за вѣрность Николаю. Бракъ ея съ Александромъ Гессенскимъ состоялся 28 октября 1851 г., отъ нихъ происходятъ Баттенберги. Братъ Ю. Гауке былъ флигель-адъютантомъ, въ 1863 г. принялъ участіе въ возстаніи, подъ именемъ Бессака, командовалъ партіями. Убитъ въ франко-прусской войнѣ 1870 г., сражаясь въ рядахъ фран. арміи.

лаютъ. Покойный Король Прусскій, отецъ нашей Государыни, и не молоденькій, какъ принцъ Гессенскій, а былъ же женатъ на одной изъ своихъ подданныхъ, послѣ смерти своей первой жены. Да и нашъ великій Князь Константинъ Павловичъ былъ же женатъ на простой полькѣ, Грудзинской, которую уже потомъ возвели въ достоинство Княгини Ловичь. Уже когда Константинъ Павловичъ Цесаревичъ, предполагаемый наслѣдникъ русскаго престола, будучи сорока лѣтъ, или болѣе, развелся съ женою, чтобъ жениться на простой дворянкѣ, то двадцатипятилѣтнему принцу Александру еще простительнѣе жениться на графинѣ Гауке. Онъ не русской и не царской крови. И какое вліяніе можетъ онъ имѣть на Россію? Если бы онъ и служилъ у насъ, то братъ нашей наслѣдницы, хотя впослѣдствіи и Государыни, не болѣе можетъ имѣть вліянія на дѣла Государства, какъ по занимаемой имъ должности. Эта же должность, не можетъ быть такъ огромна, чтобы опасаться пристрастія его къ родственникамъ жены, у которой можетъ быть ихъ и нѣтъ въ Россіи.

Вотъ какъ нашъ наслѣдникъ мечталъ объ Ольгѣ Калиновской, это было страшно! [1]) Кромѣ того, что такому молодцу, сыну такого Царя, такому доброму, славному человѣку, такая жена не по плечу, кромѣ того, она полька, недальняго ума, съ родни всѣмъ польскимъ фамиліямъ, искони враждебнымъ Россіи, это могло бы задавить насъ. Но братъ наслѣдницы, Принцъ не богатаго и неважнаго дома, который у себя меньше значитъ, чѣмъ у насъ князь Чернышевъ, или графъ Орловъ, чтожъ за бѣда, если онъ женился по сердцу и взялъ не принцессу, а только графиню? — Ничего, — Россіи ничего отъ этого не будетъ.

Всѣ бранятъ Графа Клейнмихеля, что цѣны на желѣзной дорогѣ не дешевы и сожалѣютъ, что почти весь сборъ перейдетъ въ карманъ американцевъ [2]), съ которыми сдѣланъ самый странный и разорительный контрактъ, въ теченіе коего казнѣ будетъ приходиться только пятая, или даже шестая часть сбора, а прочее все американцамъ. Разсуждаютъ такъ: когда же правительство выберетъ свои издержки, свой капиталъ, свои проценты? Каждый вагонъ, отъ столицы до столицы, доставляетъ сбору 600 рублей серебромъ. Изъ этого американцамъ по контракту слѣдуетъ, счи-

---

[1]) Ольга Калиновская происходила изъ старинной аристократической польской фамиліи; ея отецъ былъ кавалерійскій генералъ, мать изъ рода Потоцкихъ. По волѣ Николая О. Калиновская была выдана замужъ за гр. Ирінея Огинскаго, владѣтеля Ретово. Отъ этого брака у нея было двое бездѣтныхъ сыновей; одинъ изъ нихъ—Богданъ, послѣ смерти котораго разыгрались всѣмъ извѣстныя дѣла о подложныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ.

О. Калиновская имѣла большое вліяніе при дворѣ, Александръ II посѣщалъ ее въ Ретовѣ; умерла въ 1899 г.

[2]) Извѣстный по невыгодности для казны контрактъ съ Уайенсомъ.

тая по 80 копеекъ за версту съ каждаго вагона, по 480 рублей серебромъ. Что же останется казнѣ? 120 рублей серебромъ съ вагона, и то ежели онъ полонъ, и то, не всѣ пассажиры ѣдутъ отъ одной столицы до другой, а выходятъ въ промежуткахъ, слѣдовательно не всегда и 600 рублей можетъ доставить каждый вагонъ. Что жъ остается казнѣ на всѣ прочіе расходы на удовлетвореніе процентовъ съ 150-ти милліоновъ, употребленныхъ на сооруженіе дороги? Желѣзная дорога дѣло дивное, славное по тѣмъ затрудненіямъ, какія представляли нескончаемыя болота и пучины, лежащія на пути; но этотъ странный контрактъ чрезвычайно много тутъ испортилъ. Для казны убытокъ ужасный, и для проѣзжающихъ вещь чувствительная, потому что цѣны назначены большія, особенно за провозъ экипажей; а менѣе назначить нельзя, потому что казна и безъ того въ большомъ накладѣ. Жаль, что бранятъ графа Клейнмихеля, онъ человѣкъ усердный, но все таки досадно, какъ можно такъ мало думать о пользахъ государства.

Какъ жаль Принца Лейхтенбергскаго [1]) и бѣдную великую Княгиню Марію Николаевну! Молодая вдова, шестеро дѣтей, скучно ей будетъ доживать, если не выйдетъ замужъ. — Жаль ее и жаль Государя, который такъ часто хоронитъ дѣтей своихъ.—По твердости Его души Онъ сумѣетъ перенесть и этотъ ударъ, но каково будетъ Ему смотрѣть на свою дочь, такую молодую, такую прекрасную такъ рано овдовѣвшую! — Дай Богъ! чтобы она опять, черезъ годъ, или два вышла замужъ [2]), и чтобы новыя узы утѣшили Ее и Государя. Вотъ бы ей мужъ Людовикъ Наполеонъ.

Вотъ Франція опять имперія! Желаю, чтобы Людовикъ Наполеонъ упрочилъ власть свою во Франціи. Прежде считалъ я его безпутнымъ разбойникомъ, а теперь вижу, что онъ человѣкъ мудрый. Боюсь и жаль будетъ, ежели нашъ Государь съ нимъ не сойдется. Быть съ такимъ человѣкомъ въ ладахъ полезно. Сдружись Россія съ Франціей хорошенько, тогда гадкіе англичане призадумались бы.

Весь свѣтъ во всемъ подражаетъ Франціи, особенно умственный міръ. Образъ мыслей вездѣ сколокъ на французскій ладъ; то ежели Людовикъ Наполеонъ удержится въ главѣ Франціи, при этой восторженной любви, которую ему оказываютъ, его мнѣнія и выказываемая имъ преданность къ религіи непремѣнно разольются по

---

[1]) Умеръ отъ чахотки въ 1852 г. на Мадейрѣ.

[2]) Она впослѣдствіи, при Александрѣ II, вступила въ бракъ съ гр. Г. Строгоновымъ.

всему государству и принесутъ огромную пользу какъ Франціи, такъ и всѣмъ странамъ, ей подражающимъ.

Когда Вольтеръ и его друзья провозглашали неистово безбожіе, оно вездѣ лилось съ французскимъ языкомъ и французскими книгами. Когда Франція оказывала равнодушіе къ религіи, весь міръ былъ къ ней равнодушенъ, исключая очень немногихъ. Когда самые новые писатели французскіе и нѣмецкіе стали говорить о Христѣ и Его религіи съ почтеніемъ, стали и у насъ, и въ другихъ Государствахъ понемногу заговаривать, что Христосъ не выдумка и Его религія лучше мусульманской.

Людовикъ Наполеонъ воспитанъ матерью [1]), которая въ своемъ родѣ была совершенство. Она внушила ему любовь къ религіи, такъ и не мудрено, что онъ сохранилъ прекрасное чувство въ цѣлости. Теперь же, если онъ, сдѣлавшись во Франціи Императоромъ, и ничто не опрокинетъ его, то можно надѣяться, что его приверженцы станутъ любить христіанскую религію, какъ онъ любитъ ее самъ. А глядя на французовъ и прочіе народы перестанутъ стыдиться быть христіанами.

Надо думать, что самъ Богъ ведетъ Людовика Наполеона на первое мѣсто во Франціи, чтобъ залѣчить ея раны и дать ей мудраго и твердаго путеводителя.

Дай Богъ новорожденному Императору Франціи долго жить, рости въ духѣ и силѣ Божіей, и укротить звѣронравныхъ французовъ до того, чтобъ они сдѣлались людьми. Дай Богъ и то, чтобы нашъ Государь сдружился съ нимъ. Подписываться ami, или frère, — все равно, — а польза была бы большая.

Не послушался Государь людей опытныхъ, Ему преданныхъ. Поссорился съ Людовикомъ Наполеономъ. Быть бѣдѣ!

Государь послалъ за границу графа Орлова [2]); но врядъ ли его умъ и пылкое усердіе принесетъ пользу. — А тутъ еще умники увѣряютъ Государя, что Турецкое войско умираетъ отъ чумы и холеры, — ну, просто, что некого будетъ бить! — Я осмѣлился сказать Государю, чтобъ не вѣрилъ благопріятнымъ для насъ извѣстіямъ о непріятелѣ, что они всегда преувеличены, но чтобъ крѣпился духомъ; можетъ быть Господь Богъ поможетъ намъ, и къ Его исторіи прибавится еще одна блистательная страница. Онъ поднялъ руки и отвѣчалъ: «Братецъ! духомъ то не упаду, но здоровья не станетъ!» — Помоги Ему Господь!

---

[1]) Гартензія Богарне, дочь Жозефины.

[2]) Въ Вѣну на конференцію.

Боже мой! не стало нашего Государя Николая Павловича!— Плачъ всеобщій, всеобщее изумленіе, — никто не вѣритъ, чтобъ этотъ дубъ тѣломъ и душою, этотъ великанъ, такъ внезапно свалился! Послѣ кратковременной болѣзни, 18-го февраля 1855-го года, въ $^1/_2$ 1-го часа пополудни Онъ отдалъ Богу свою свѣтлую чистую, непорочную душу. Ударъ неожиданный, никто и не подозрѣвалъ, что недугъ Его принялъ опасное направленіе. Скорбь такъ велика, что описывать ее дѣло невозможное.

Въ тяжкое время вступаетъ на престолъ Его наслѣдникъ. Дай Богъ ему силы, не упасть духомъ подъ тяжестью, такъ неожиданно налетѣвшею на Его плечи.

26-го августа, 1856 г.

Богъ видитъ, что я служилъ безъ всякихъ видовъ честолюбія, для пользы моего Государя, моего отечества и моихъ согражданъ. Теперь возвращаюсь къ ничтожеству и молю Господа, чтобы благословилъ благія намѣренія нашего юнаго Государя; — это будетъ всегда первымъ предметомъ моихъ желаній,—и смѣло могу сказать что ежели по службѣ многіе были счастливѣе меня, то конечно, никто не былъ и не будетъ болѣе преданъ своему Государю.

A la fin de ma carière j'ai rencontré un homme, — le voici:

Il n'est ni Royaliste, ni Jacobin; il n'est ni méchant, ni bon, mais il n'a pas de coeur; il n'est pas bête, mais ce n'est pas un homme d'esprit; il est aristocrate, mais il n'a pas même les vices d'un grand seigneur! [1])

ГЕНВАРЬ 1862-го года.

Вотъ какъ нынѣшніе просвѣщенные люди, въ особенности литераторы, обманываютъ публику и даже самого государя! На памятникѣ тысячелѣтію Россіи предположено изобразить въ барельефѣ мужей, способствовавшихъ своими подвигами прославленію Россійскаго государства и между ими помѣщенъ Тарасъ Шевченко. Наши литераторы умѣли придать этой личности какой то блескъ, котораго онъ отнюдь не заслуживаетъ. Литературное достоинство этого ничтожнаго человѣка состоитъ въ нѣсколькихъ малороссійскихъ пѣсняхъ и повѣстяхъ на старинномъ малороссійскомъ нарѣчіи, котораго теперь почти никто не понимаетъ. Не думаю,

---

[1]) Эти слова, кажется, надо отнесить къ кн. В. Долгорукову, замѣнившему въ 1856 г. гр. Орлова въ должности шефа жандармовъ.

чтобъ эти пѣсни и повѣсти могли способствовать къ прославленію Россіи, а между тѣмъ пріятели Шевченки, малороссіяне, въ числѣ пяти, шести человѣкъ, успѣли дать его ничтожному стихотворенію такой вѣсъ и такъ увѣрить правительство, что ихъ мнѣніе на этотъ счетъ есть мнѣніе общественное, что втянули ликъ Шевченки на памятникъ тысячелѣтія. — Шевченку я зналъ лично, но не имѣлъ съ нимъ никогда никакихъ сношеній, слѣдовательно смѣю думать, что мое объ немъ сужденіе безпристрастно. О первой половинѣ его жизни прочтите его некрологъ, тамъ вы увидите, что онъ былъ сынъ крестьянина, что всякое принужденіе къ наукамъ и труду было для него тягостно и что онъ всю почти молодость провелъ въ бѣгахъ, пьянствѣ и воровствѣ. Кое какъ научился онъ рисовать, но какъ рисовать? Я видѣлъ его рисунки, это мыши кота хоронятъ. Шатаясь по свѣту до 30-тилѣтняго возраста, онъ прибылъ въ С.-Петербургъ и пріобрѣлъ благосклонность покойныхъ графа Вьельгорскаго и Жуковскаго, эту благосклонность пріобрѣсти было не трудно, они, дай Богъ имъ Царство Небесное, въ чистотѣ и добротѣ сердецъ своихъ, какъ живая Татьяна Борисовна Потемкина [1]), во всякомъ мерзавцѣ, даже во всякомъ разбойникѣ, видѣли только человѣка несчастнаго и потому принимали въ немъ участіе. Вьельгорскій и Жуковскій склонили покойную императрицу Александру Ѳеодоровну и все царское семейство къ собранію нѣкоторой суммы для выкупа Шевченка изъ крѣпостного состоянія. Императрица оказала ему это благодѣяніе и какъ отплатилъ онъ своей благодѣтельницѣ? Въ 1847 году былъ обнаруженъ заговоръ нѣкоторыхъ малороссіянъ противъ правительства, ихъ намѣреніе состоялось въ отложеніи Малороссіи отъ Россіи. Главными дѣятелями этого заговора были: Гулакъ-Артемовскій, человѣкъ глупый, но богатый, слѣдовательно для заговорщиковъ полезный, отчаянный слафянофилъ, кромѣ Кирилла и Меѳодія никого не чтущій, потомъ Кулешъ, и , въ особенности, его супруга, Андрускій, Костомаровъ, Шевченко и не помню еще кто. Эти господа имѣли намѣреніе сдѣлать изъ Малороссіи государство самостоятельное и отодвинуть ее къ временамъ Гетманщины и Гайдаматчины, то есть ко временамъ разбоевъ и грабежей, всегда выгодныхъ для людей бездомныхъ. При осмотрѣ бумагъ этихъ господъ найдены въ портфелѣ Шевченки дурно нарисованныя, самыя безнравственныя картинки, большая часть изъ нихъ составляли карикатуры на особъ Императорской фамиліи, и, въ особенности, на государыню императрицу, и самые неблагопристойные стихи на счетъ ея величества. Когда спросили Шевченку: что это? онъ отвѣчалъ: «Простите, впередъ не буду!» — Князь Орловъ назвалъ ихъ общество Украйно-

[1]) Императоръ Николай называлъ Т. Б. Потемкину «моя игуменья» и никогда не отказывалъ въ ея просьбахъ.

филами, и они, въ 1847 году, были разосланы въ разныя отдаленныя губерніи. Нынѣ царствующій государь простилъ Шевченку, онъ возвратился въ Петербургъ и пересталъ пьянствовать потому, что допился до водяной болѣзни, отъ которой и умеръ. — Надо было видѣть Шевченку, вообразите человѣка средняго роста, довольно дороднаго, съ лицомъ опухшимъ отъ пьянства, вся отвратительная его наружность самая грубая, необтесанная, рѣчь мужицкая, въ порядочномъ домѣ стыдно было бы имѣть его дворникомъ, и вотъ этого то человѣка успѣли украйнофилы выказать славою, честью и украшеніемъ Малороссіи, и подъ личиною общественнаго мнѣнія оскорбить, замарать его ликомъ памятникъ тысячелѣтія Россіи!

Еслибы въ подобныхъ случаяхъ, прежде ихъ окончательнаго рѣшенія, повелѣно было обращаться въ 3-е отдѣленіе государевой канцеллярiи, для узнанія такъ сказать подноготной, то наши риѳмоткачи не имѣли бы возможности такъ искажать истину и такъ дерзко обманывать правительство.

Я увѣренъ, что если бы Государь это зналъ, то приказалъ бы снять этотъ кусокъ грязи съ свѣтлаго, чистаго лица Россіи и замѣнить его какою нибудь достойною личностью, въ которыхъ Малороссія не имѣетъ недостатка.

Сообщено *Л. Ф. Пантелѣевымъ* и имъ же снабжено примѣчаніями.

Примѣчаніе къ стр. 135: «L'Ermite de la Chaussée d'Antin» (1812—15), повременное изданіе, рисующее современные нравы, вродѣ *Англійскаго Спектатора*, издавалось писателемъ и драматургомъ Жуи (Jouy, 1764—1846). *Ред.*